

КУДА КАТИТСЯ ФИЛОСОФИЯ

Философский очерк

В работе анализируются актуальные проблемы современной философии. Автор подчеркивает, что возникновение философии связано с поиском истины, с рефлексией человека над собственным бытием и над бытием окружающей природной и социальной действительности. Философия сыграла исключительную роль в культуре человечества. Но сегодня философия находится в удручающем состоянии, потому что она отказалась от поиска истины и глубоких теоретических рассуждений. Постмодернисты ее превратили в пустой дискурс обо всем и ни о чем. Автор выражает свою глубокую озабоченность таким состоянием современной философии.

Работа адресована всем, кто интересуется философскими идеями и кому не безразлична судьба философии.

Содержание

Предисловие

5

Философия — это изумление

9

Философия — служанка теологии

14

Cogito, ergo sum

17

**«Система поведения — созданная
невежественным воображением»**

25

Философия как постижение эпохи

30

**Не только интерпретировать мир,
но и изменить его**

35

Ницше — «могильщик» философии

76

Постмодернизм — смерть философии

81

Заключение

195

Предисловие

Всякая философия есть продукт своей эпохи. Наша эпоха — это эпоха глубокого экономического и духовного кризиса, охватившего, собственно говоря, все области общественнознания, культуру, искусство, литературу, философию и т.д. Это эпоха деинтеллектуализации общества, эпоха шоу, стандартизации и унификации.

Но меня глубоко волнует кризис философии, которая еще в недавнем прошлом выступала в роли духовного лидера и открывала пути почти всем наукам и искусствам. Хотя книжные магазины заполнены философской литературой и издаются тысячи и тысячи философских книг и статей, хотя регулярно проводятся философские конгрессы и конференции, мысль философская все больше и больше отдаляется от нас. Нет таких философских идей, которые оказались бы эпохальными и сыграли бы революционную роль в философских исследованиях.

Сегодня философия потеряла свой этимологический смысл. Из любви к мудрости она превратилась в любовь к пустому дискурсу обо всем и ни о чем. Она

потеряла также всякие критерии научности и доказательности. Многие современные философы не утруждают себя серьезно рефлексировать, как это делали их предшественники, над бытием окружающей социальной и природной действительности. Они изгоняют Разум из философии. Они даже перестали обращаться к здравому смыслу и нередко пишут целые трактаты, лишённые всякого здравого смысла и представляющие, по существу, набор бессмысленных слов и предложений. Они не выдвигают никаких серьезных аргументов в защиту своих философских тезисов и концепций. Но им кажется, что они делают важные открытия в философии. Они очень пренебрежительно относятся к классической философии, к духовному наследию великих философов Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса и других корифеев мировой философии. Они ничего не хотят читать. Чтению и вдумчивому анализу текстов они предпочитают жонглирование новыми, ничего не значащими терминами. Они с большим гонором и колоссальным самомнением выступают на конференциях и конгрессах философов. Не согласных с ними они считают ретроградами и реакционерами.

Конечно, я имею в виду в первую очередь философов-постмодернистов. Они отвергают классический стиль философствования, классические философские категории, и вместо этого предлагают абсолютно пустые по своему философскому содержанию слова (симулякры, желание, тело, молчание, деструктивизм, деконструкция и т.д. и т.п.). Их совершенно не устраивает систематизированное изложение философского материала. Они

отвергают всякий критерий философичности. Сторонники классических традиций объявляются догматиками и ретроgrадами.

Трагизм ситуации состоит в том, что это касается не только философии, но и всего обществознания. Это касается и средств массовой информации (СМИ), играющих ведущую роль в формировании мировоззрения людей. К этой словесной эквилибристике привыкают и студенты, которые перестают воспринимать дух и содержание классической философии, классической исторической науки, классической литературы и вообще всего классического. Поэтому существует своего рода разрыв между теми, кто понимает, что только на базе классики можно творчески развивать общественные науки и теми, кто категорически отвергает прошлое обществознания и хочет что-то создать. Но это абсолютно невозможно, ибо прошлое и настоящее неразрывно связаны, и нельзя их оторвать друг от друга.

В настоящее время в общественном мнении сложилось довольно негативное отношение к философии. Многие считают, что время философии прошло, что вообще не стоит забивать себе голову всякими философскими идеями, не имеющими никакой практической ценности. В высших учебных заведениях сокращаются часы на преподавание философии.

Я — профессиональный философ. Всю жизнь посвятил философии на философском факультете МГУ. И мне вовсе не безразлична судьба философии. Я болею за нее, и поэтому пытаюсь, так сказать, спасти ее, вернуть ей прежний высокий авторитет и уважение.

Современному человечеству, находящемуся на точке бифуркации, очень нужны философские рефлексии. Но, разумеется, речь идет о подлинной рефлексии, а не о словесных упражнениях постмодернистов.

Цель данного краткого философского очерка заключается в том, чтобы показать, как философия шла по восходящей линии, когда искала истину, а затем постепенно по мере отказа от поиска истины трансформировалась в схоластические рассуждения об экзистенциальном бытии человека и, в конце концов, скатилась в болото постмодернизма.

И последнее. Многие меня могут обвинить в приверженности классическим философским традициям, в непонимании новых философских реалий, в нежелании творчески развивать философию и т.д. и т.п. Своим оппонентам скажу: во-первых, вслед за Марксом я повторю слова Данте: *Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!* (Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!). Во-вторых, лучше популяризировать классическую философию, чем постмодернистскую бессмыслицу.

Москва, 14 февраля 2005 года

Философия — это изумление

Платон считал, что философия начинается с изумления. А философом он называл каждого человека, стремящегося узнать что-то новое. Подлинными же философами, по убеждению Платона, являются те, кто любит искать истину. Философ познает не какие-либо мнения, а бытие и истину.

Изумление свидетельствует о том, что общество достигло такого уровня в своем развитии, когда стало абсолютно необходимым выработка общих понятий (категорий), с помощью которых можно было бы вести рассуждения о собственном бытии человека и о бытии окружающего объективного мира. Платоновская философия — это размышления о человеке, о государстве, о воспитании, об искусстве и т.д. и т.п.

Философы, по глубокому убеждению Платона, должны любить не только истину, но и не стремиться к чрезмерному богатству, так как богатство лишает людей возможности быть порядочными и добродетельными. «... Человеческий род, — делал вывод Платон, — не избавится от зла до тех пор, пока истинные и пра-

вильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами»¹.

Платон был убежден в том, что государством должны управлять философы, то есть мудрые люди, осознающие свою ответственность за дела государственные и способные постичь сущность вещей. Они, по мысли античного философа, стремятся к познанию бытия, причем познают его как некую целостность. Философ должен категорически отвергать любую ложь и проявлять глубокую любовь к истине. Ему должны быть присущи четыре основные добродетели идеального государства: любовь к истине, справедливость, мужество и рассудительность. Мудрый человек одновременно не может любить истину и ложь.

Афинский философ с горечью отмечал, что когда «от философии отпадают те люди, которым всего больше надлежит ею заниматься, она остается одинокой и незавершенной... К философии же, раз она осиротела и лишилась тех, кто ей сродни, приступают уже другие лица, вовсе ее недостойные. Они позорят ее и навлекают на нее упрек в том, за что как раз порицают ее... ее хулители, говоря, будто с ней имеют дело люди либо ничего не стоящие, либо же в большинстве своем заслуживающие всего самого худшего»². Это касается многих

---

¹ Платон. Соч. в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 525.

² Платон. Собр. соч. в четырех томах, Т. 3. М., 1994. С. 275.

философов, в том числе современных постмодернистов, о которых будет сказано ниже.

Мысли Платона о начале философии были поддержаны его учеником Аристотелем. Он утверждал, что «удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например, о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной»³. Люди философствовали не ради какой-нибудь пользы, а ради понимания, ради того, чтобы избавиться от незнания.

Поскольку философия, писал Аристотель, есть любовь к мудрости, следует выяснить значение самого понятия мудрости. Во-первых, продолжает Стагирит, мудрый, насколько возможно, знает все. Во-вторых, мудрый познает то, что трудно и нелегко постижимо для человека. В-третьих, мудрым является тот, кто в любой науке более точен и более способен к раскрытию причин. В-четвертых, та наука является более мудрой, которая служит познанию, а не та, из которой извлекают пользу. В-пятых, та наука мудра, которая главенствует над остальными.

Как и Платон, Аристотель стремление к истине считал высшим **философским** принципом. Он философию называл знанием об истине, исследование которой, по его мнению, и трудно и в то же время легко. «Это

---

³ Аристотель. Соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1976. С. 69.

видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но и не терпит полную неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, правда, ничего или мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина»⁴. Сложность исследования истины также заключается в том, что можно овладеть целым, но оказаться не в состоянии постичь часть.

Главную трудность установления истины Аристотель связывает с незнанием причины вещей. «А из вещей тем или иным свойством в наибольшей степени обладает та, благодаря которой такое же свойство присуще и другим; например, огонь наиболее тепел, потому что он и для других вещей причина тепла. Так что и наиболее истинно то, что для последующего есть причина его истинности»⁵.

Философия выступала в роли универсальной науки. Сами античные философы были универсалами. Философия представляла собой всеобщий способ разрешения сложнейших проблем. Но вместе с тем она включала в себя математику, физику и другие науки. Кстати сказать, представление о философии как науке наук сохранились вплоть до нового времени, когда уже приобрели самостоятельный путь многие науки. Вот, например, что писал Декарт: «...Вся философия подобна дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви, исходящие от этого ствола, — все прочие

---

⁴ Аристотель. Соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1976. С. 69.

⁵ Там же, С. 95.

науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике»⁶.

Но постепенно науки отпочковываются от философии и получают, так сказать, автономию. Тем не менее, еще в XIX веке многие философы в своих философских системах не обходили вопросы чисто научного характера. Достаточно вспомнить философскую систему Гегеля, охватывающую не только гуманитарные, но и естественные дисциплины. Однако необходимо заметить, что зрелые науки уже не нуждались в «философской опеке». Иначе говоря, натурфилософии пришел конец. И, как писал Энгельс, «попытка воскресить ее не только была бы излишней, а была бы шагом назад»⁷.

---

⁶ Декарт. Соч. Т. 1. М., 1989. С. 309.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, С. 305.

Философия — служанка теологии

В Средневековую эпоху философия утратила свой универсальный характер. Она была поглощена теологией и по существу превратилась в ее служанку. Были выдающиеся философы-теологи, но вся философия рассматривалась через призму христианского учения. Достаточно вспомнить Августина Аврелия, нарисовавшего в «Граде Божиим» панораму человечества в чисто христианском духе. А в «Исповеди» прямо заявляет: «Господи Боже, все в мире сдерживающий и все создавший; грехи же только сдерживающий. Господи Боже мой, я грешил, нарушая наставления родителей и учителей моих»⁸. Феодальные порядки, сковывающие личную инициативу, представляли собой благодатную почву для теологических позиций.

Эпоха Возрождения, особенно позднего периода, делает гигантский шаг вперед на пути освобождения философии от религиозных предрассудков.

---

⁸ Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского, М., 1991, С. 63.

Но в эпоху позднего Возрождения, когда начинают формироваться буржуазные общественные отношения, и когда человек пытался освободиться от религиозных оков многие из теологов, строго придерживаясь христианского учения, начинают осознавать, что необходима церковная реформация. Ведущее место среди них занимает М. Лютер, заявивший, что «время молчания прошло и время говорить настало»⁹. Он осмелился выступить против Римской католической церкви, установившей свое господство над душами всех людей и по-своему интерпретировавшей христианские догматы. Он заявил, что между человеком и Богом не требуется посредник, что человек как истинный христианин должен непосредственно обращаться к Богу. «Он, — пишет Маркс, — разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека»¹⁰.

Протестантизм, как пишет тот же Маркс, не дал правильного решения задачи, но он ее правильно поставил. Но для того чтобы правильно решить задачу, т.е. для того чтобы дать человеку буржуазного общества свободу, надо было его освободить от религиозного мировоззрения. В этом отношении в новое время

---

⁹ Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520–1526 гг. Харьков, 1994. С. 11.

¹⁰ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 422–423.

философы пытаются освободить сознание общества от религиозного мракобесия. Они не отказываются от теологии, но оттесняют ее, так сказать, на обочину.

Но эпоха Возрождения славится не только постепенным вытеснением религиозных догм, но и большими инновациями на территории Европы. Известный французский исследователь Ж. Аттали пишет, что в 1492 году в Европе «появляются шоколад, табак, кукуруза, картофель... В Нюнберге Мартин Бегаим конструирует первый земной шар; в Ферраре печатают первый план урбанизма; в Генуе печатают первую лиру; профессор Антонио де Небрийа выпустил первый учебник испанского языка; в Женеве появляется сифилис; в Ватикане пытаются осуществить переливание крови; в Италии впервые издают трактат о гармонии в музыке Боэция»¹¹.

---

¹¹ Attali Jacques, 1492. Paris. 1991. P. 8.

Cogito, ergo sum

В новое время религиозный иррационализм постепенно уступает место Разуму и поиску Истины. Философы, как и их античные предшественники, были убеждены в том, что только с помощью разума можно заниматься раскрытием истины, что только разум дает нам подлинные знания. Декарт пишет работу «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках». Удивительно, что великий Декарт начинает свое исследование с анализа здравого смысла, который он отождествляет с разумом: «Здравомыслие (bon sens) есть вещь, распределенная справедливее всего; каждый считает себя настолько им наделенным, что даже те, кого всего труднее удовлетворить в каком-либо другом отношении, обыкновенно не стремятся иметь здравого смысла больше, чем у них есть. При этом невероятно, чтобы все заблуждались. Это свидетельствует скорее о том, что способность правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения — что, собственно, и составляет, как принято выражаться, здраво-

мыслие, или разум (raison), — от природы одинакова у всех людей, а также о том, что различие наших мнений происходит не от того, что один разумнее других, а только от того, что мы направляем наши мысли различными путями и рассматриваем не одни и те же вещи. Ибо недостаточно просто иметь хороший ум (esprit), но главное — это хорошо применять его»¹². (Очень актуальны эти слова французского мыслителя и в наши дни, когда многие обществоведы абсолютно не в состоянии использовать свой ум для подлинно научных исследований и занимаются переливанием из пустого в порожнее). Все люди обладают разумом, так как только разум отличает их от животных.

Благодаря разуму, пишет Декарт, мы получаем знания. Но последние должны непрерывно совершенствоваться, что предполагает следование определенным правилам и методам. В этой связи французский философ вспоминает, как он изучал науки и как, в конце концов, во всем стал сомневаться. Вот как он отзывается о богословии и философах: «Я почитал наше богословие и не менее, чем кто-либо, надеялся обрести путь на небеса. Но, узнав как вещь вполне достоверную, что путь этот открыт одинаково как для несведущих, так и для ученейших и что полученные путем откровения истины, которые туда ведут, выше нашего разумения, я не осмеливался подвергать их моему слабому рассуждению и полагал, что для их успешного

---

¹² Декарт Р. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 250–251.

исследования надо получить особую помощь свыше и быть более, чем человеком.

О философии скажу одно: видя, что в течение многих веков она разрабатывается превосходнейшими умами и, несмотря на это, в ней доныне нет положения, которое не служило бы предметом споров и, следовательно, не было бы сомнительным, я не нашел в себе такой самонадеянности, чтобы рассчитывать на больший успех, чем другие. И, принимая во внимание, сколько относительно одного и того же предмета может быть разных мнений, поддерживаемых учеными людьми, тогда как истинным среди этих мнений может быть только одно, я стал считать ложным почти все, что было не более чем правдоподобным»¹³.

Как видно, Декарт, хоть открыто не критикует богословие, но дает понять, что с его помощью человек не сможет получить истинные знания. Зато философов не жалеет, и он прав, так как каждый философ свои рассуждения считает истинными, в то время как истина одна.

Поражает то, что великий француз очень критически относится к тому, что он называет лженауками, очень популярными в XXI, то есть нашем веке. «Наконец, — пишет Декарт, — что касается ложных учений, то я достаточно знал им цену, чтобы не быть обманутым ни обещаниями какого-нибудь алхимика, ни предсказаниями астролога, ни проделками мага, ни всякими хитростями или хвастовством тех, что

---

¹³ Декарт Р. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 254.

выдают себя за людей, знающих более того, что им действительно известно»¹⁴.

Сегодня астрология и магия в большом почете у обывателя, не желающего думать и анализировать природные и социальные феномены и процессы и предпочитающего верить на слово всяким лжепророкам и астрологам. Причем во времена Декарта в лжеучения верило меньше народа, чем в наше время, время высоких технологий и компьютеров. Телевидение рекламирует не науку, а алхимию и астрологию. Благодаря телевизионным передачам люди глупеют на глазах. Их не интересуют ни научные достижения и не высокое искусство, а всякого рода гороскопы и знахари. При-

---

¹⁴ Там же, С. 255. Такое же критическое отношение к этим лженаукам было и в последующие века. Для этого достаточно познакомиться с очень интересной и содержательной книгой английского исследователя XIX века Ч. Маккея «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы». Вот что он пишет в Предисловии к изданию 1852 года: «Изучая историю различных народов, мы приходим к выводу, что у них, как и у отдельных людей, есть свои прихоти и странности, периоды возбуждения и безрассудства, когда они не заботятся о последствиях своих поступков. Мы обнаруживаем, что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую, сходят с ума; что миллионы людей одновременно попадают на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не какая-нибудь новая глупость, более заманчивая, чем первая» (Чарльз Маккей. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы, М., 2003. С. 13).

чем не только обыватели заразились ложными науками и религиозными предрассудками, но и многие ученые, чьей профессиональной обязанностью является открытие законов объективного мира на базе использования научных методов и средств.

Но вернемся к Декарту. Для того чтобы совершенствовать знания, то есть получать истинные знания, Декарт выдвинул четыре правила метода нахождения истины: «Первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т.е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе — делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуются, чтобы лучше их разрешить.

Третье — располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее — делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено»¹⁵.

Декарт уверен в том, что разработанный им метод позволяет получать истинные знания о каждой вещи.

---

¹⁵ Декарт Р. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 260.

Истина же всегда одна. Не может быть двух истин относительно одной и той же вещи.

В «Первоначалах философии» Декарт ставит перед собой задачу выяснить суть философии. Философия, пишет он, — это мудрость. А мудрость заключается в том, чтобы поступать разумно в своих делах и иметь совершенное знание (истину) того, что может познать человек. Это знание поможет людям в жизни. Но оно должно быть выведено из первых причин. И тот, кто хочет овладеть этим знанием, тот, собственно говоря, начинает философствовать. Но он должен начинать с исследования первых причин, то есть первоначал, к которым предъявляются два требования: «Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности; во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них так, что, хотя основоположения и могли бы быть познаны помимо познания прочих вещей, однако эти последние, наоборот, не могли бы быть познаны без знания первоначал. Затем надо попытаться вывести знание о вещах из тех начал, от которых они зависят, таким образом, чтобы во всем ряду выводов не встречалось ничего, что не было бы совершенно очевидным»¹⁶.

Эти первоначала нужны для того, чтобы, отправляясь от них, можно было заниматься поисками истины. Выяснив необходимость первоначал, Декарт начинает их излагать. Главный принцип или первоначало челове-

---

¹⁶ Декарт Р. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 302.

ческого познания, по твердому убеждению французского мыслителя, заключается в том, чтобы все подвергать сомнению: «Человеку, исследующему истину, необходим хоть один раз в жизни усомниться во всех вещах — насколько они возможны»¹⁷.

Но если мы сомневаемся в вещах, то их следует считать ложными. Однако «мы не можем сомневаться в том, что, пока мы сомневаемся, мы существуем ...»¹⁸. Этот принцип Декарт считает самым первичным и самым достоверным принципом философствования. Почему? Потому что «отбросив все то, относительно чего мы можем каким-то образом сомневаться, и, более того, воображая все эти вещи ложными, мы с легкостью предполагаем, что никакого Бога нет и нет ни неба, ни каких-либо тел, что сами мы не имеем ни рук, ни ног, ни какого бы то ни было тела; однако не может быть, чтобы в силу всего этого мы, думающие таким образом, были бы ничем: ведь полагать, что мыслящая вещь в то самое время, как она мыслит, не существует, будет явным противоречием. А посему положение *Я мыслю, следовательно, я существую (Cogito, ergo sum — И.Г.)* — первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования»¹⁹.

Таким образом, Декарт для поиска истины предлагает все подвергать сомнению, но не сомневаться в том, что сомневающийся существует.

---

¹⁷ Декарт Р. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 314.

¹⁸ Там же, С. 316.

¹⁹ Там же, С. 316.

В новое время — время рационализма — философы еще больше секуляризуют философию, хотя еще не осмеливаются открыто выступить против религии и церковных учреждений. Тот же Декарт себя считает истинным христианином и не сомневается в том, что мир был сотворен Богом, что Бог является бесконечным творцом вещей. Иначе он не мог утверждать, поскольку хорошо помнил печальный опыт Галилея. Тем не менее, космогонические идеи Декарта очень далеки от религиозных идей сотворения мира.

«Система поведения — созданная невежественным воображением»

Восемнадцатый век — век Рационализма и Просвещения. Во Франции в это время жили и работали выдающиеся философы-материалисты Дидро, Гольбах, Гельвеций и многие другие, в Англии — Толанд, Коллинз, Гартли, Пристли и др. Они, как и их предшественники, задачей философии в первую очередь считали поиск истины и место человека в мироздании.

Гельвеций истину связывал непосредственно с фактами. По его мнению, любую истину можно свести к какому-нибудь факту и она становится доступной всем. Он критикует Руссо за утверждение, согласно которому любой философ предпочтет открытую им ложь истине, найденной другим. «Разве Руссо такого рода философ? Я не позволю себе этого допустить. Впрочем, если он думает, что искусная ложь может навсегда обессмертить имя автора, то он ошибается. Только истина имеет длительный успех. Лавры, венчающие иногда заблуждение, очень быстро увядают»²⁰.

---

²⁰ Гельвеций К.А. Соч. в двух томах, Т. 2. М., 1974. С. 285.

Просветители как идеологи восходящей буржуазии поставили перед собой задачу освободить человека от религиозного мракобесия и показать ему, что он сам является кузнецом своего счастья. Они полагали, что одной из причин бедственного положения человека является то, что он свернул с истинного пути и заразился всякого рода предрассудками. «Поэтому нужно раскрыть людям истину, показать им ее притягательную силу, внушить отвращение к постыдному культу заблуждения, которое, скрываясь в образе истины, слишком часто становится объектом их поклонения. Блеск истины может резать глаза лишь врагам человеческого рода, чья власть сильна только глубоким невежеством, в котором они держат умы людей»²¹.

Просветители, так же как античные философы, главную задачу философии видели в том, чтобы служить истине. Они выступали против религиозных предрассудков, потому что эти предрассудки скрывали истину от людей, держали их в невежестве и страхе. Вот почему Гольбах **религию назвал системой поведения, созданной невежественным воображением.**

Но объявить религию плодом невежества и страха было недостаточно. Надо было показать, почему человек поддался чарам религиозных предрассудков. Иначе говоря, надо было найти истоки возникновения религии, корни религиозных представлений и воззрений. Поиски просветителей увенчались успехом.

---

²¹ Гольбах П. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М., 1963. С. 56.

В первую очередь просветители показали, что человек является не творением бога, а природы. Человек существует только в природе и подчинен ее законам. Природа хочет, чтобы человек трудился для своего счастья. Иначе говоря, человек как мыслящее и действующее существо должен трудиться для своего счастья. Если человек не трудится, то он теряет свою сущность, под которой просветители понимали совокупность черт и свойств, делающих человека человеком.

Благодаря труду человек удовлетворяет свои потребности, которые тоже порождены самой природой. Но удовлетворение потребностей нередко связано с теми или иными жизненными неурядицами. Человеку приходится страдать от непогоды, неурожая, от разных болезней, от несчастных случаев и т.д. и т.п. Поэтому человек постоянно находится в состоянии тревоги и неуверенности. Он пытается найти причины негативных явлений и процессов и когда их не находит в силу того, что ему не хватает необходимых знаний, то он ищет эти причины в существах, находящихся за пределами природы. «Толпа видит чудеса и знамения во всех поражающих ее явлениях, понять которые она не может, и называет *сверхъестественными* производящие их причины: это означает попросту, что не привыкла к ним, не знает их или не видела в природе, способных производить те редкие явления, которые поражают воображение неосведомленного человека»²².

---

²² Гольбах П. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М., 1963. С. 360.

Таким образом, в основе религиозных убеждений, справедливо считают просветители, лежит незнание законов природы. Человек выдумал себе богов, создал их по своему образу и подобию и стал им поклоняться. «Не познав природы, он создал себе богов, которые стали единственными предметами его надежд и опасений»²³.

На невежестве и страхе людей держатся все религии мира. Сформировалось целое сословие религиозных служащих, которые приобрели огромные богатства, заимели храмы и вводят народы в заблуждение. Они внушают людям мысль о том, что все создано богами, и надо им подчиняться. На самом деле к слову «Бог» люди прибегают в тех случаях, когда они не знают причины тех или иных событий явлений. Тогда они говорят, что бог так распорядился. Вера в бога есть не что иное, как самообман.

Если человек хорошо живет, если его дела идут прекрасно, то он не ищет причин своего благополучия. Но если он не может свести концы с концами, если он постоянно страдает, то начинает искать причины своей несчастной жизни. А поскольку он невежествен, то причины эти приписывает сверхъестественному существу, которое он обозначил словом «Бог».

Просветители не только дали блестящую критику религиозных предрассудков, но и дали прекрасный анализ многих философских проблем. Во-первых, про-

---

²³ Гольбах П. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М., 1963. С. 63.

светители показали, что без свободы человек не может вести нормальный образ жизни. Но свободу понимали, как делать все ради своего счастья все при условии, что твои действия не мешают счастью других людей. Во-вторых, они разработали вопросы теории познания. В-третьих, они исследовали проблемы социального равенства. В-четвертых, они рассмотрели проблемы цивилизации. Именно французские просветители впервые ввели в научный оборот понятие цивилизации, под которой они подразумевали общество, основанное на началах разума и справедливости.

Таким образом, просветители подняли на еще более высокую ступень философию. Иначе говоря, после освобождения от религиозного мракобесия философия снова стала развиваться по восходящей линии.

Философия

как постижение эпохи

Гегель внес огромный вклад в философию. Здесь не место давать всесторонний анализ гегелевской философии. Поэтому я останавливаюсь лишь на некоторых аспектах этой философии. Прежде всего, подчеркну, что немецкий философ, как Платон и Аристотель, важной задачей философии считал постижение истины.

Гегель писал, что философия есть время, постигнутое в мысли. Всякая философия является вместе с тем продуктом своей эпохи, квинтэссенцией данных социально-экономических, политических и духовных отношений. Вопреки нынче распространенному мнению, нет философии, не связанной с общественной жизнью. Если даже философы, скажем, рассуждают об относительно весьма абстрактных предметах, все равно они имплицитно или эксплицитно затрагивают проблемы общества. Иначе и не может быть: ведь философия возникла на том этапе исторического процесса, когда общество достигло определенного уровня в своем развитии, когда благодаря накопленному общественному богатству стало возможным рефлексировать над соб-

ственным бытием и над бытием окружающей социальной и природной действительности. Возникновение философии представляет собой скачок в общественном прогрессе. Оно свидетельствует о том, человечество совершило окончательный переход от доисторической эпохи к эпохе исторической.

По собственному признанию Гегеля, во всех своих философских произведениях он стремился к познанию истины. В «Науке логики» («Малая логика») Гегель прямо заявляет: «Единственное, к чему я вообще стремился и стремлюсь в своих философских изысканиях, — это научное познание истины»²⁴. При этом он подчеркивает, что научное познание является наиболее трудной формой познания, но зато наиболее плодотворным с точки зрения получения истинных результатов.

В «Философии права» Гегель довольно много внимания уделяет проблемам истины, хотя, как следует из самого названия работы, основной целью ее автора является философский анализ вопросов права, государства и гражданского общества. Он прямо заявляет: «...Можно также считать, что задача автора, особенно автора философской работы, состоит в открытии *истин*, высказывании *истин*, распространении *истин* и правильных понятий»²⁵. Но каждый выдвигает свою истину, отвергающую истину других. Поэтому подлин-

---

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, Т. 1. Наука логики, М., 1974. С. 57.

²⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права, М., 1990. С. 45.

ную истину, по мнению Гегеля, можно установить только с помощью науки. Но и в данном случае возникают определенные трудности, которыми пользуются противники истины. Они утверждают, что мнений очень много и нельзя определить, какое из них является истинным, а какое ложным. Здесь немецкий философ выдвигает аргумент, который он в силу своих идеалистических позиций не смог полностью доказать (это сделал Маркс), но тем не менее убедителен: «Позиция непредубежденного человека, — пишет он, — проста и состоит в том, что он с доверием и убежденностью придерживается публично признанной истины и строит на этой прочной основе свой образ действий и надежное положение в жизни»²⁶.

Гегель считает, что самой серьезной потребностью является потребность в истине. «Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума есть первое условие философских занятий»²⁷. С исчезновением этой потребности исчезает сама философия. У многих народов термин «философия» сохранился, но получил совершенно другой смысл. Поэтому у них философия пришла в упадок. Что касается немцев, то, по твердому убеждению Гегеля, они сохранили философию, потому что потребность в истине составляет отличительную черту немецкого духа. «Философия нашла себе убежище в Германии и живет только в ней. Нам вверено

---

²⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права, М., 1990. С. 46.

²⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, Т. 1. С. 83.

сохранение этого священного светоча, и мы должны оберегать его, питать его и заботиться о том, чтобы не угасло и не погибло самое высокое, чем может обладать человек, — самосознание своей сущности²⁸.

В эпоху Гегеля, как и в наше время, было много любителей критиковать философию за то, что она всегда стремилась к поиску истины. Вот что по этому поводу пишет великий немецкий мыслитель: «Распространенные в наше время декламации и обвинения против философии представляют странное зрелище: с одной стороны, они получают свое оправдание в той поверхностности, до которой деградировала эта наука, с другой — сами коренятся в той сфере, против которой они столь неблагодарно направляют свои нападки. Ибо тем, что так называемое философствование объявило познание истины глупой затеей, оно *нивелировало* все мысли и все предметы — подобно тому как *римские* императоры в своем деспотизме *уравняли* патрициев и рабов, добродетель и порок, честь и бесчестье, знание и невежество, — так что понятия истинного, законы нравственности оказываются не чем иным, как мнениями и субъективными убеждениями, и самые преступные принципы обладают в качестве *убеждений* равным с этими законами достоинством, а всякий объект, каким бы пустым и частным он ни был, всякий, пусть даже самый незначительный, вопрос обладают таким же достоинством,

---

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, Т. 1. С. 81.

как то, что составляет интерес всех мыслящих людей и служит узами нравственного мира»²⁹. Эта цитата прямо направлена против постмодернистов, вращающихся в сфере философии и одновременно превративших ее в помойную яму.

---

²⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права, М., 1990. С. 52–53.

Не только интерпретировать мир, но изменить его

Маркс в «Тезисах о Фейербахе», написанных в 1845 году писал, что мир надо не только интерпретировать, но и изменить его. Маркс вошел в историю общественной и философской мысли как величайший ученый и революционер. Он был революционером не только на практике, но и в теории. Нет ни одной области общественнознания, в которой бы Маркс не оставил свой заметный след. Маркс придал философии подлинно научный характер. Уже в «Тезисах о Фейербахе», он выдвинул ряд теоретических положений, сыгравших революционную роль в философии. Так, Маркс ввел в философию в качестве критерия истины **практику**. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический*

вопрос»³⁰. Именно практическая деятельность человека должна подтверждать наши теоретические выводы. Без этого поиски истины бессмысленны. При этом следует помнить, что критерий практики абсолютен и вместе с тем относителен. Он абсолютен потому, что носит объективный характер. Скажем, чтобы убедиться в том, что арбуз не растет на Севере, достаточно посадить его на этом самом Севере, не прибегая при этом к созданию искусственного климата. Вместе с тем критерий практики относителен, так как сама практическая жизнь тоже развивается и изменяется. И чтобы не превратить теоретические тезисы в догмы, надо учитывать новые реалии практической деятельности людей.

Продолжая анализ роли практики, Маркс подчеркивает: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика»³¹. Это значит, что человек не только продукт воспитания, о чем прямо заявлял Гельвеций, но и производитель и как таковой он меняет обстоятельства. Иначе говоря, Гельвеций и другие материалисты не учитыва-

---

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1–2.

³¹ Там же. С. 2.

ли диалектику общественных отношений, в которых формируется человек и которые изменяются им же. Они смотрели на человека лишь как на созерцателя, а не как на создателя.

В этих же «Тезисах» Маркс заложил основы подлинного учения о человеке. Квинтэссенция этого учения дана в шестом тезисе: «Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать, рассматривать религиозное чувство [Gemüt] обособленно и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными узами*³².

Домарксистские философы в качестве исходной категории изучения человека брали самого человека. Не буду углубляться далеко в историю философии, достаточно посмотреть труды философов нового времени, чтобы в этом убедиться. Так, важнейший труд Гельвеция называется «О человеке». «Человек, — утвержда-

---

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

ет Гельвеций, — есть модель, выставленная для обозрения ее различными художниками: каждый рассматривает некоторые стороны ее, никто еще не охватил ее в целом»³³. Французский философ дает подробное изложение своего понимания человека, но нигде он не касается сущности человека.

Фейербах тоже начинает с человека. Назвав свою философию новой философией, он заявил: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»³⁴. Он подчеркивал неразрывное единство природы и человека. Но человек в его понимании оставался только частью природы и рассматривался как «чувственный предмет», как пассивное существо, способное только на созерцание.

Маркс порывает с прежней философской традицией, то есть с философской антропологией³⁵. В отличие от своих предшественников Маркс в качестве исходной теоретической посылки берет общество. Будучи частью природы, человек становится человеком только в

✓³³ Гельвеций К.А. Соч. в двух томах, Т. 2. М. 1974. С. 11.

³⁴ Фейербах. Избр. Филос. Произв. М., 1955. Т. 1. С. 202.

³⁵ Напомню читателю, что термин «философская антропология» появился в XX веке. Его ввел в научный оборот немецкий философ Макс Шелер. Он прямо писал, что из бытия человека можно вывести все социальные феномены: язык, совесть, оружие, государство, миф, религии, науку и т.д.

обществе и поэтому сущностью человека является совокупность всех общественных отношений. Не человек выступает в качестве исходной категории, а общество, общественные отношения. В «Замечаниях на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» Маркс прямо пишет, что исходным пунктом его метода анализа «является не человек, а данный общественно-экономический период...»³⁶. Допустим, мы решили узнать, что представлял собой обыкновенный гражданин античной Греции, о чем он думал, какой образ жизни вел и т.д. Естественно, на все эти вопросы можно ответить лишь тогда, когда нам будет известна та социальная действительность, которая окружала античного человека.

Итак, общественные отношения или общественно-экономический период — ключ к изучению человека. Не из человека надо исходить, а из общества, в котором живет и работает человек.

Этот важнейший теоретический тезис Маркса современный французский философ-марксист Альтюссер назвал теоретическим антигуманизмом. «В точном смысле слова теории, — пишет Альтюссер, — можно и нужно говорить прямо о *теоретическом антигуманизме Маркса*, и видеть в этом теоретическом антигуманизме абсолютную возможность изучения самого человеческого мира и его практического изменения. О человеке кое-что можно *узнать* лишь при абсолютном условии отказа от философского (теоретического) мифа о человеке»³⁷.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 380.

³⁷ Althusser L. Pour Marx. Paris, 1973. P. 236.

Теоретический антигуманизм не означает отказа от практического гуманизма. Напротив, для того, чтобы на практике создать человеку человеческие условия, необходимо *теоретически* выяснить, как эти условия можно изменить таким образом, чтобы человек радовался жизни и приумножал общественное богатство.

Проблема гуманизма — это, прежде всего, проблема человека, проблема отношения общества к человеку и человека к обществу. Иначе говоря, это проблема **практического** гуманизма. Над этой проблемой задумывались писатели, философы, политики — все те, кто интересовался жизнью человека, его повседневной экзистенцией и судьбой, кто пытался оказать ему помощь. Это очень сложная и трудная проблема. У человека есть интересы, которые не всегда, вернее, чаще всего не совпадают с интересами всего общества. Если жертвовать интересами человека, то это плохо. Но если жертвовать интересами общества, то это хуже. Если погибнет общество, то погибнут все люди, но если погибнет один человек, то сохранится общество. Теоретически легко говорить о гармонизации интересов человека и общества, но на практике эту гармонизацию гораздо труднее осуществить.

История свидетельствует, что человеку постоянно приходится бороться за свою жизнь, за улучшение своих жизненных условий. Он вынужден протестовать, восставать, требовать к себе человеческого отношения, бунтовать и сопротивляться. А бунтующий человек, как пишет А. Камю, «есть человек, живущий до или после священного, требующий человеческого порядка, при

котором и ответы будут человеческими, т.е. разумно сформулированными»³⁸. А если он не находит таких ответов, то либо впадает в депрессию, либо становится на преступный путь, либо на путь революционера, либо примыкает к различным политическим партиям, обещающим устроить ему райскую жизнь.

Б. Паскаль писал, что величие человека заключается в его способности мыслить. Но, может быть, в этом также проявляется и его трагедия, ибо только человек, благодаря тому, что он мыслит, может сознательно заниматься деструктивной деятельностью, т.е. ничего не создавать, а все разрушать. Только человек сознательно стремится к тому, чтобы лишить жизни себе подобного, хотя понимает, что самое дорогое у человека — это жизнь. Только человек создает самые невиданные средства уничтожения другого человека и не только человека, но и окружающей природной (шире — космической) среды.

Человек — существо разумное, мыслящее, и его деятельность по созданию материальных и духовных ценностей носит разумный характер. Но, тем не менее, абсолютное большинство людей не задумывается над смыслом своей жизни. Они воспринимают жизнь как некую данность, которую просто-напросто надо прожить. И здесь возникает проблема смысла жизни. Решить эту проблему практически невозможно. Одни мыслители смысл жизни видят в гедонизме, другие — в творчестве, третьи — в славе и т.д. Но стоит ли жить человеку,

---

³⁸ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 133.

если он живет в нечеловеческих условиях? Сотни миллионов людей не могут удовлетворить свои элементарные потребности, но они не собираются добровольно уходить из жизни, потому что инстинкт самосохранения оказывается выше нищенских условий существования. И это прекрасно, иначе бы по истечении определенного времени человечество ушло в небытие.

Человек как творческое существо создает предметы материального и духовного потребления, и перед ним как творцом встает сложный вопрос, — что лучше быть или иметь? Многие философы пытались решить этот вопрос. Одни больше значения придавали тому, чтобы быть, другие тому, чтобы иметь. Э. Фромм так интерпретировал эти два слова: «Под обладанием и бытием я понимаю не некие отдельные качества субъекта, примером которых могут быть такие утверждения, как «у меня есть автомобиль» или «я белый» или «я счастлив», а два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две разные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает»³⁹. Сам Э. Фромм выступает за то, чтобы быть. Иметь означает обладать каким-то благом, которое не составляет внутренний мир человека, а лишь принадлежит ему. Можно иметь, скажем, квартиру, машину, деньги и т.д. Но можно их потерять и остаться ни с чем. А если нечто составляет твой **внутренний** мир, твое, так сказать, второе «я», то ты его никогда не по-

---

³⁹ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 31.

теряешь. Если у тебя, например, есть знания, то никто их у тебя никогда не отнимет, пока ты будешь жить. Поэтому лучше «**БЫТЬ**», чем «**ИМЕТЬ**», что, конечно, не означает, что не надо обладать необходимыми для жизни материальными благами. Ведь человек перманентно должен себя воспроизводить, а это возможно лишь в том случае, если он имеет возможность удовлетворения своих материальных потребностей.

Но чтобы иметь такую возможность, необходимо создать человеку человеческие условия жизни. В таких условиях он может проявить свои сущностные силы и может чувствовать себя полноправным членом общества. А чтобы человек проявлял себя как человек, а не как животное, общество должно ему помогать, ибо сам в одиночестве он никогда не добьется намеченной цели. При этом речь идет не о гуманитарной помощи, поскольку такая помощь унижает достоинство человека, а о том, что общество должно всем людям создать одинаковые стартовые возможности для создания собственного счастья. Но буржуазное общество со своим формальным равенством по природе своей никогда не сможет создать всем равные жизненные условия. Поэтому буржуазное общество есть антигуманное общество, общество, в котором человек заброшен, он чувствует себя одиноким и вынужден всю жизнь бороться за улучшение своих жизненных условий. Только социализм предлагает реальное, а не формальное равенство, реальную, а не формальную справедливость, реальную, а не формальную свободу. Только социализм создает необходимые условия для проявления фи-

зических и духовных потенций человека. Вот почему подлинно гуманным обществом является только социалистическое общество. Социализм — это практический гуманизм.

В наше сложное и противоречивое время реанимирована философская антропология. Всю социальную философию многие фактически сводят к человеку. Сотни работ выходит по философской антропологии, поют дифирамбы человеку, сочувствуют ему, призывают к гуманному к нему отношению, радуются за него, но нет теоретического анализа, потому что человека рассматривают абстрактно, оторванно от тех общественных отношений, в которых он живет. Сейчас, например, очень любят разглагольствовать о правах человека. Во имя «защиты этих прав» даже свергают законно избранные правительства, якобы нарушавшие права своих граждан и тем самым проявляли к ним негуманное отношение. Но абстрактная трактовка прав человека без относительно к обществу, в котором он живет, лишена всякого теоретического содержания.

Подлинный гуманизм наступит лишь тогда, когда практический гуманизм, то есть социализм победит, а теоретический антигуманизм, то есть марксизм будет развиваться творчески, а не предаваться забвению.

Маркс, как уже отмечалось, считал, что одной интерпретации мира, то есть общества, недостаточно, что необходимо его *изменить*. А для того, чтобы изменить его, нужно в первую очередь дать научное объяснение. Маркс и дал такое объяснение. Он открыл **материалистическое понимание истории**.

До Маркса было немало крупных мыслителей, изучавших движущие силы общественного развития, имманентную логику исторического процесса. Достаточно назвать имена Монтескье, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля и других выдающихся философов. Но, несмотря на различные, порой даже противоположные воззрения и подходы, они в основном работали на одном и том же историческом поле и использовали, по существу, одни и те же категории. В их работах мы встречаем глубокие и порой гениальные мысли об обществе и механизмах его функционирования, но нет стройного и систематизированного учения об обществе как целостном образовании. Даже великий Гегель, которого высоко ценил Маркс и объявил себя его учеником, в своей философии истории (за исключением, может быть, *Введения* к лекциям по философии истории) выдвигает мало интересных и содержательных идей⁴⁰. Основной недостаток всех философско-исторических учений заключался в их спекулятивном и идеалистическом характере.

Маркс, разумеется, глубоко изучил все, что было до него создано об обществе, и это уже чувствуется в первых его теоретических работах. Возьмем, например,

---

⁴⁰ У Ленина были все основания, когда, законспектировав книгу Гегеля «Лекции по философии истории», писал: «В общем, философия истории дает очень и очень мало — это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован» (Ленин В.И. Философские тетради, М., 1965, С. 289).

статьи, написанные в 1842 году. Здесь мы уже встречаемся с именами Лютера, Штрауса, Фейербаха, Канта, Г. Гуго, Вольтера, Гердера, Августина Блаженного, Монтеня и многих других мыслителей. А в 1843 году Маркс пишет работу «К критике гегелевской философии права», в которой он дает критический анализ воззрений своего учителя и вместе с тем закладывает основы собственного учения. Он готовит **эпистемологический разрыв** со всей прежней философией истории⁴¹. Суть этого разрыва заключается в том, что для анализа общества как целостного социального организма Маркс не удовлетворяется категориальным аппаратом прежних философских теорий. В «Немецкой идеологии», написанной в 1845–1846 г. и опубликованной лишь в 1932 году, можно наблюдать этот эпистемологический разрыв. Здесь уже встречаются категории философии, которые отсутствовали в прежних философско-исторических учениях: *«способ производства»*, *«мысли господствующего класса»*, *«материальная сила»*, *«духовная сила»*, *«общественный строй»*. Однако вместо категории *«производственные отношения»* употребляется термин *«форма общения»*. Нет и категории *«общественно-экономическая формация»*, вместо нее применяется термин *«форма собственности»*.

В «Нищете философии» появляются категории *«общественные отношения»*, *«общественное произ-*

---

⁴¹ Термин «эпистемологический разрыв» (*coupure épistémologique*) был введен Альтюссером. Он его заимствовал у Башляра.

водство», «производственные отношения», «средства производства». Классическое изложение всех категорий, составляющих каркас материалистического понимания истории, Маркс дает в «Предисловии к Критике политической экономии». К перечисленным выше категориям добавились «экономический базис», «надстройка», «общественное бытие», «общественное сознание», «общественно-экономическая формация», «экономическая структура общества», «предыстория человеческого общества». В «Капитале» и других трудах Маркса тоже появляются новые категории, несущие, как и все остальные категории, громадную теоретическую и смысловую нагрузку.

Почему же Маркс разрабатывает новые категории? Ведь он подвергал суровой критике не только своих предшественников, но и современников за логические схемы и спекулятивные рассуждения. Вспомним хотя бы критику Прудона за выдвинутые им искусственные категории и принципы. «Как истинный философ, г-н Прудон понимает вещи на выворот и видит в действительных отношениях лишь воплощение тех принципов, тех категорий, которые дремали, как сообщает нам тот же г-н Прудон-философ, в недрах «безличного разума человечества»⁴².

Маркс создает новое, материалистическое, учение об обществе, и ему нужны такие категории, которые адекватно отражают реалии исторического процесса и вместе с тем служат инструментом познания этого

---

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 132.

процесса. Можно выразиться иначе: Маркс разрабатывает не только новые категории, но и «создает» *новое* поле анализа общества как целостного образования. Это новое поле — сама социальная действительность. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»⁴³. Не абстрактные рассуждения об обществе, а изучение реальной жизнедеятельности людей, материальных условий их существования. Люди в процессе совместной деятельности производят необходимые им жизненные средства, но тем самым они производят свою материальную жизнь, которая является фундаментом общества. Поэтому первым историческим актом следует считать производство самой материальной жизни. Материальное производство, т.е. производство материальных ценностей — жилья, продуктов питания, одежды и т.д. — является основным условием всякой истории, всякого общества и оно должно выполняться непрерывно. Материальная жизнь, материальные общественные отношения, формирующиеся в процессе производства материальных благ, **детерминируют** все другие формы деятельности людей — политическую, духовную, социальную и т.д.

---

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 18.

Идеи, даже туманные образования в мозгу людей, являются испарением их материальной жизни. Мораль, религия, философия и другие формы общественного сознания отражают материальную жизнь общества.

Производство материальных благ необходимо для удовлетворения потребностей людей, но удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, поскольку новое производство порождает новые потребности. А удовлетворение новых потребностей требует нового производства потребностей. Такова диалектика производства и потребления. Так Маркс формулирует закон возрастания потребностей.

Люди, производя ежедневно свою собственную жизнь, производят и других людей, т.е. начинают размножаться. В этой связи Маркс выделяет три стороны социальной действительности: производство жизненных средств, порождение новых потребностей и производство людей людьми.

Сущность материалистического понимания истории Маркс выразил в Предисловии «К критике политической экономии» следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного

сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁴⁴.

Открытое Марксом материалистическое понимание истории требует не просто его констатации, в противном случае оно ничем бы не отличалось от спекулятивного, идеалистического объяснения общественных процессов, а изучения действительной жизни людей. Поэтому Маркс обращается к анализу практической деятельности людей, которые в первую очередь должны жить, а для этого им необходимы пища, жилище, одежда и т.д. Вот почему первым историческим актом следует считать, производство самой материальной жизни. Материальное производство есть основное условие всякой истории, и оно должно выполняться непрерывно.

Материалистическое понимание истории можно резюмировать таким образом:

1. Данное понимание истории исходит из решающей, детерминирующей роли материального производства непосредственной жизни. Необходимо изучать реальный процесс производства и порожденную им форму общения, т.е. производственные отношения.

2. Оно показывает, как возникают различные формы общественного сознания — религия, философия, мораль, право и т.д. — и каким образом они детерминируются материальным производством.

---

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.

3. Оно всегда остается на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной жизни.

4. Оно считает, что каждая ступень развития общества застаёт определенный материальный результат, определенный уровень производительных сил, определенные производственные отношения. Новые поколения используют производительные силы, приобретенный предшествующим поколением капитал и таким образом одновременно создают новые ценности и изменяют производительные силы.

Открытие материалистического понимания истории означало **научную** революцию в философии истории. Маркс открыл новый континент-поле: это **экономическое поле**, на котором создаются материальные ценности, выступающие в роли фундамента всякой общественной жизни.

Материалистическое понимание истории со времени его открытия подвергается критике. Его противники утверждают, что Маркс якобы игнорирует роль неэкономических факторов — политики, философии, религии и т.д. — в общественном развитии. Одним из первых критиков Маркса выступил профессор Лейпцигского университета П. Барт, с работами которого был знаком Энгельс. Барт пишет, что Маркс был воспитан на гегелевской философии, и поэтому все, что не вытекало из единого принципа, он считал ненаучным. Сам Маркс в качестве такого принципа выбрал экономику, из которой выводит все остальные сферы общественной жизни. Он, продолжает Барт, лишает эти сферы самостоятель-

ности и полностью подчиняет их экономическому фактору. На самом же деле право, идеология, политика и т.д. независимы от экономики и развиваются самостоятельно. Но «у Маркса же и у Энгельса ни слова не говорится о реакции идеологии на народное хозяйство, — реакции, которая сама собой очевидна и не может не обнаружиться, потому что деятельный работник на поприще народного хозяйства, человек, является вместе с тем носителем идей, а идеи направляют его поступки»⁴⁵.

Но это не **соответствует** исторической действительности, ибо Маркс никогда не принижал роль неэкономических факторов. Он рассматривал общество как сложное **структурированное** целое, которое условно можно разбить на четыре большие сферы: *экономическую, социальную, политическую и духовную*. Каждая из этих сфер представляет собой целую систему различных элементов, находящихся в постоянном взаимодействии.

Экономическая сфера есть единство производства, потребления, обмена и распределения. Всякое производство есть вместе с тем и потребление. Но всякое потребление есть вместе с тем и производство. В свою очередь производство и потребление не существуют без обмена и распределения. Эти четыре элемента экономической сферы можно разделить на субэлементы. Так что сама экономическая сфера сложна и многогранна. То же самое касается и других сфер.

---

⁴⁵ Барт П. Философия истории как социология, СПб., 1902. С. 291.

Социальную сферу представляют этнические общности людей (род, племя, этнос, народ, нация и т.д.), а также различные классы — рабы, рабовладельцы, крестьяне, буржуазия, пролетариат и другие социальные группы.

Политическая сфера охватывает властные структуры (государство, политические партии, политические отношения, политические институты и т.д.). Государство и политические структуры очень дифференцированы.

Духовная сфера тоже обладает сложной структурой. Она включает в себя философские, религиозные, художественные, правовые, политические, этнические и другие воззрения людей, а также их настроения, эмоции, представления об окружающем мире, традиции, обычаи и т.д. Все эти элементы находятся во взаимной связи и взаимодействии.

Четыре большие сферы общественной жизни диалектически, а не механически контактируют между собой. Они не только взаимосвязаны, но и взаимно обуславливают друг друга. Разве экономическая сфера существует без людей, носителей классовых, групповых и иных отношений? А разве эти же люди не являются носителями форм общественного сознания? Или общество не есть продукт взаимодействия людей? Очевидно, на все эти вопросы следует дать утвердительный ответ.

Общество, как уже выше отмечалось, есть структурированное целое. Это значит, что все его элементы как на макро- так и на микроуровне диалектически и непрерывно взаимодействуют. Они структурно меняются, совершенствуются, развиваются. Иначе говоря, они

(элементы) **вариантны**. Духовная сфера, например, эпохи рабства и нашего времени резко отличаются друг от друга: они претерпели коренные качественные и количественные изменения. Но вместе с тем элементы духовной сферы общества **инвариантны** в том смысле, что возложенные на них функции постоянны на протяжении всей мировой истории. Так, какие бы изменения ни претерпела политическая сфера, ее главной функцией остается властное регулирование отношений между обществом и государством, между различными классами, государствами и т.д. Как бы ни совершенствовалась экономика, как бы ни менялись производственные отношения и производительные силы, главной функцией экономики всегда было и будет производство материальных ценностей.

В структурированном целом разные сферы выполняют разные функции, которые отличаются по значимости для субъектов истории, т.е. для людей. Чтобы общество функционировало как социальная система, необходимо, прежде всего, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Иначе говоря, нужно постоянно и непрерывно производить материальные ценности, строить жилье, заводы, фабрики, производить пищу, одежду и т.д. Это — естественный процесс исторического развития общества. Поэтому у Маркса были все основания говорить о том, что способ производства материальной жизни детерминирует все остальные процессы жизни. Другими словами, экономический фактор в конечном счете всегда выступает как детерминанта, как движущая сила исторического процесса.

Слова «в конечном счете» были впервые употреблены в письмах Энгельса 90-х годов прошлого столетия. На их теоретический смысл впервые обратил внимание Л. Альтюссер. Он считает, что выражение «в конечном счете» есть «топика, т.е. пространственное расположение, определяющее для данных реальностей места в пространстве»⁴⁶. Этими реальностями являются упомянутые выше четыре большие сферы общественной жизни. Топика представляет общество в виде здания, этажи которого опираются на его фундамент. Этажей может быть много, но фундамент один. Фундамент без этажей не есть здание, но и этажи без фундамента не могут висеть в воздухе. В конечном счете им нужна какая-то опора. Поэтому в «детерминации топики конечный счет есть действительно конечный счет. Это означает, что имеются и другие счета или инстанции, которые фигурируют в юридическо-политической и идеологической надстройке. Таким образом, упоминание о конечном счете в детерминации имеет двойную функцию. Оно отмежевывает Маркса от всякого механицизма и открывает в детерминации действие различных инстанций, действие реального различия, в которое вписывается диалектика. Следовательно, топика означает, что детерминация в конечном счете экономическим базисом мыслится только в дифференцировании и, следовательно, сложном и расчлененном целом, где детерминация в конечной инстанции фиксирует реальное различие других инстанций, их относительную са-

---

⁴⁶ Althusser L. Positions. Paris. 1976. P. 138.

мостоятельность и их собственный способ воздействия на сам базис»⁴⁷.

Детерминирующая роль экономического фактора вовсе не значит, что генетически экономическая сфера предшествует другим сферам общественной жизни. Разумеется, это было бы абсурдным утверждением. Все сферы находятся в единстве, и ни одна из них не предшествует другой.

Экономика детерминирует весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития другие сферы могут выступать в качестве **доминанты**, т.е. могут играть господствующую роль. Так, в романизации Европы решающую роль сыграли войны Юлия Цезаря. Как показал Вебер, в становлении капиталистических отношений в Германии доминирующую роль играла протестантская религия.

Кроме того, находясь в постоянном взаимодействии, все сферы общественной жизни влияют друг на друга и тем самым на все историческое развитие. Общественное сознание, государство, социальная сфера и другие неэкономические факторы обладают относительной самостоятельностью, имеют собственные закономерности развития и логику. Так, развитие философии необязательно совпадает с экономическим базисом той или иной страны. В экономически отсталой стране весьма успешно может развиваться философия как специфическая область духовной сферы. В феодальной Германии возникла классическая немецкая философия, внесшая не-

---

⁴⁷ Ibid. P. 139–140.

оценимый вклад в мировую философскую культуру. В помещичьей России мы видим взлет философской мысли Герцена А.И., Соловьева В.С., и многих других.

Если взять искусство, то наблюдается такая же картина. Искусство как духовный феномен сложен и многообразен, и его объяснение нельзя ограничивать одними ссылками на материальные условия жизни. «Относительно искусства, — писал Маркс, — известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, так же и с развитием материальной основы последнего»⁴⁸. Никакими материальными факторами нельзя объяснить феномен Пушкина, гениальное творчество Моцарта, Чайковского, Бальзака и Толстого. И все же эти величайшие деятели мировой культуры появились тогда, когда уже был достигнут определенный уровень материальной цивилизации.

Таким образом, выражаясь фигурально, можно сказать, что общество — это многоэтажное здание с одним фундаментом. Фундамент — это экономика. Этажи — неэкономические факторы. Они вариантны, и тот или иной из них доминирует в конкретных исторических условиях. Фундамент является детерминантой во всех случаях. Он имманентно **вариантен**, но для **истории инвариантен**. Доминанты и детерминанты находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют.

Энгельс писал, что противникам материалистического понимания истории не хватает знания диалек-

---

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736.

тики. «Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно»⁴⁹. К этим словам Энгельса можно добавить: **им не хватает способности мыслить, анализировать, проникать в сущность общественных феноменов и процессов. Короче, им не хватает научного осмысления исторического процесса.**

Выше говорилось об эпистемологическом разрыве с прежней философией истории. Можно сказать, что такой же эпистемологический разрыв Маркс совершил и в политической философии. Он разработал такие категории, как диктатура пролетариата, предыстория человечества, переходный период, низшая фаза общества, высшая фаза общества и т.д. Маркс рассматривает политику через призму классовых отношений и классовых интересов. Конечно, и в домарксистской политической философии присутствовал классовый аспект, но наиболее рельефно этот аспект исследован Марксом. Он всей философии политики придал ярко выраженную классовую окраску.

Маркс исходил из имманентной логики исторического процесса, каждая последующая ступень кото-

---

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 420–421.

рого является более прогрессивной по сравнению с предыдущей. Именно буржуазный способ производства готовит почву для перехода к социализму. «Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов, но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»⁵⁰

Маркс находит в лице пролетариата в буржуазном способе производства тот социальный класс, который должен осуществить социалистическую революцию и построить новое общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁵¹. Но к поиску этой социальной силы, призванной ниспровергнуть капитализм, Маркс шел долгим путем. Он штудировал философскую, историческую, социальную и политэкономическую литературу, а также принимал активное участие в революционном движении, за что неоднократно подвергался аресту и высылке из страны пребывания.

В 1845 году Маркс и Энгельс опубликовали совместную работу «Святое семейство, или критика кри-

---

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7–8.

⁵¹ Там же. Т. 4. С. 447.

тической критики. Против Бруно Бауэра и компании». В ней критикуется частная собственность, создающая на одной стороне богатство, а на другой — бедность. Маркс и Энгельс подчеркивают, что «пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности»⁵². Имущий класс представляет консервативную сторону, поскольку он стремится к сохранению существующего положения вещей. Пролетариат — разрушительную сторону, ибо хочет уничтожить этот статус-кво. С победой пролетариата исчезает сам пролетариат, исчезает и его противоположность, т.е. частная собственность. В этом основоположник научного коммунизма видит всемирно историческую роль пролетариата.

В «Немецкой идеологии» дается изложение не только материалистического понимания истории, но и политической философии. Прежде всего, рассматриваются формы собственности, которые связываются с уровнем развития производительных сил. Первой формой собственности является племенная собственность, которая соответствовала неразвитой стадии производства. Она была общей, люди занимались охотой, рыболовством, скотоводством и т.д. Вторую форму собственности представляет античная общинная и государственная собственность. Уже появляется част-

---

⁵² Там же. Т. 2. С. 38.

ная собственность, разделение труда достигает более высокого уровня. Третья форма собственности — феодальная собственность, выражающаяся главным образом в земельной собственности. Развитие производительных сил приводит к буржуазной собственности. А из капиталистических порядков вырастает коммунизм. «Коммунизм для нас, — пишут Маркс и Энгельс, — не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называемы коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁵³. Капитал, мировой рынок — всемирно исторические явления, и поэтому пролетариат и его деяние — коммунизм — тоже всемирно-исторические явления. Для совершения революции должны быть налицо соответствующие материальные предпосылки. С одной стороны, — определенный уровень развития производительных сил и с другой, — революционные массы. Без этих предпосылок, подчеркивают Маркс и Энгельс, идея коммунистического переворота остается пустым звуком.

Мысли господствующего класса являются господствующими мыслями, т.е. тот класс, который господствует материально, господствует и духовно. «Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются

---

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34.

в общем подчиненными господствующему классу»⁵⁴. Господствующие мысли представляют собой идеальное выражение господствующих материальных отношений. Всякий класс, стремящийся к господству, представляет свой интерес как интерес всего общества, всех граждан данного государства и тем самым создается иллюзия защиты всеобщих интересов, хотя на самом деле не так, ибо приходящий к власти класс отстаивает свои собственные интересы.

Анализируя буржуазную собственность, Маркс и Энгельс пишут, что этой частной собственности соответствует современное государство, которое «есть не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри государства — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы»⁵⁵. Таким образом, буржуазное государство защищает не интересы всех членов общества, а интересы буржуазии.

Многие положения политической философии были изложены в «Манифесте Коммунистической партии». Опираясь на материалистическое понимание истории и диалектику, Маркс и Энгельс раскрыли этапы развития исторического процесса, подчеркнули, что с момента возникновения классов между ними происходила то открытая, то скрытая борьба. Буржуазное общество вышло из недр феодализма «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Буржуазия,

---

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 46.

⁵⁵ Там же. С. 62.

повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»⁵⁶.

Характерной чертой буржуазного способа производства является постоянное совершенствование производительных сил. Все сословия и классы приходят в движение, происходит интернационализация промышленности и рынка, уничтожается национальная замкнутость.

Таким образом, свергнув феодализм, буржуазия сыграла прогрессивную роль в развитии человечества. Но со временем она превратилась в тормоз для дальнейшего совершенствования производительных сил. Она беспощадно эксплуатирует рабочий класс, превращает его в придаток машины. Поэтому пролетарии, будучи продуктом капиталистическим способом производства, начинают выступать против буржуазии. Маркс и Эн-

---

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 426.

гельс считают, что только пролетариат является действительно революционным классом, и только он может победить буржуазию. Его победа и гибель буржуазии, заключают они, одинаково неизбежны.

В «Манифесте...» поставлен вопрос об отношении коммунистов и пролетариев. Маркс и Энгельс подчеркивают, что интересы пролетариата и коммунистов совпадают. От остальных же пролетарских партий коммунисты отличаются тем, что, во-первых, в борьбе пролетариев различных наций они защищают общие интересы всего пролетариата независимо от национальной принадлежности, во-вторых, на всех этапах борьбы буржуазии и пролетариата они представляют интересы всего коммунистического движения. Здесь впервые ставится вопрос о превращении пролетариата в господствующий класс.

Маркс был первым в истории человечества, кто соединил пролетарское движение с социализмом, вооружил рабочий класс новым теоретическим положением, показывающим пути развития общества и перспективы социалистического строительства. Так, в книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс анализировал бурные события во Франции 1848–1851 годов, приведшие к ликвидации парламента и победе Луи Бонапарта, ставшего в 1852 году французским императором. Маркс в этой связи характеризует исполнительную власть как огромную бюрократическую машину с многочисленными чиновниками, паразитирующими на теле французского общества. Этот чиновничий аппарат, как пишет Маркс, возник в эпоху абсолютной монархии, когда привилегии землевладельцев и городов преврати-

лись в атрибуты государственной власти. Революция 1789–1794 годов расширила атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон I придал государственной машине законченный вид. Июльская монархия 1830 года ничего не изменила. «Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе»⁵⁷.

Фраза о сломе государственной машины впоследствии как в марксистской, так и немарксистской и антимарксистской литературе вызвала многочисленные интерпретации. Наиболее известной является ленинская интерпретация, согласно которой основное в учении марксизма о государстве есть слом государственной машины. Но у Маркса в данном случае речь идет о французских событиях, и он упрекает прежние перевороты в том, что они использовали государственную машину, усовершенствовали ее, но не ломали.

В письме к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года Маркс изложил то новое, которое он внес в политическую философию. «Что касается меня, — писал он, — то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та,

---

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 206.

что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...»⁵⁸. Маркс в последующих работах продолжает развивать эти же идеи. С его точки зрения, пролетариат берет государственную власть и осуществляет свою диктатуру для строительства коммунистического общества. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»⁵⁹. Буржуазное государство свертывается, социалистическое государство отмирает постепенно по мере создания необходимых условий для перехода к бесклассовому обществу.

Нельзя не коснуться воззрений Маркса на парламентскую форму правления. Он полагал, что нет большой разницы между парламентаризмом и диктатурой

---

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 424–425.

⁵⁹ Там же. Т. 19. С. 27.

личности. В первом случае управляет вся буржуазия, во втором — часть буржуазии. Но от этого суть буржуазного общества не меняется, т.е. сохраняется диктатура господствующего класса. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Маркс **исключительно положительно относился к демократии**. Он, например, в «Критике Готской программы» писал, что в Германии нет демократии, хотя ее руководители об этом разглагольствуют. «Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление царства божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием, — даже она стоит неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого»⁶⁰.

Вкратце политическую философию Маркса можно резюмировать следующим образом: 1) Маркс открыл новый континент-поле и новые категории, без которых нельзя научно отобразить политическую жизнь общества. Эти категории не представляют собой какие-то искусственно сконструированные идеальные типы, а являются научными абстракциями, отражающими наиболее общие, сущностные черты объективной реальности. 2) Маркс придал философии политики ярко выраженный классовый характер. Он подчеркивал, что всякая политика проводится в интересах господствующего класса, и всякий класс, стремящийся к завоеванию полити-

---

⁶⁰ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 28.

ческой власти, выдает свои интересы как всеобщие интересы. 3) Маркс был основоположником теории научного коммунизма, ярким противником капитализма, эксплуатации человека человеком. Но он не выступал за немедленное уничтожение капитализма. Он резко критиковал различных авантюристов и псевдореволюционеров, призывавших сразу ликвидировать буржуазный строй. Для Маркса капитализм — **необходимая и закономерная** ступень в развитии человечества, а не нечто случайное явление. Он исходил из того, что в недрах буржуазного общества созревают необходимые материальные, политические, социальные и иные предпосылки для совершения социалистической революции под руководством рабочего класса. Эта революция строит коммунистическое общество, состоящее из двух фаз: первую, низшую, фазу представляет социализм, вышедший из недр капитализма и поэтому сохраняющий его «родимые пятна» т.е. неравенство в оплате труда, буржуазное право и т.д. Вторая, высшая, фаза — это коммунизм. Он развивается на своей собственной основе. Он представляет собой начало подлинной истории человечества. На этой «фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно пре-

одолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям»⁶¹. 4) Маркс считал, что для победы коммунистического общества необходима диктатура пролетариата, т.е. власть рабочего класса, в котором крестьяне и другие пролетарские слои находят своего естественного союзника для свержения буржуазного строя. С построением бесклассового общества отмирает государство. 5) Маркс соединил рабочее движение с социализмом. Но Маркс был не только теоретиком, но и революционером. Он принимал активное участие в международном рабочем движении.

Идеи Маркса охватили весь мир. Маркса изучают во всех университетах. На него ссылаются, его хвалят и критикуют. Появились целые отрасли науки, изучающие наследие Маркса. Одни себя считают марксистами, другие антимарксистами, третьи немарксистами. Одни являются марксоведами, другие марксологами. Нет никакой возможности (да и необходимости) анализировать все написанное о политической философии Маркса. Поэтому я ограничусь проблемами, касающимися государства и будущего коммунистического общества. В одном случае я изложу воззрения антимарксистов и антикоммунистов, а в другом — коммунистов.

По утверждению антимарксистов, Марксово предвидение будущего человечества не подтвердилось. Маркс оказался лжепророком, пишет, например, Поппер. Маркс не состоялся как пророк, причем исключительно по при-

---

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 20.

чине историцизма (под историцизмом Поппер подразумевает претензии открыть законы общества и на их базе предсказать будущее — *И.Г.*) как такового, по той простой причине, что даже если мы сегодня наблюдаем нечто, что производит на нас впечатление исторической закономерности или исторической тенденции, нам не дано знать сохраним ли мы это понимание завтра»⁶². Маркс, продолжает Поппер, думал, что открыл законы исторического процесса, согласно которым каждая последующая ступень общественного развития является более прогрессивной, чем предыдущая.

Поппер утверждает, что описанное Марксом в «Капитале» буржуазное общество никогда не существовало. «Дело в том, что Марксово понятие «капитализм» представляет собой просто одно из понятий его теории исторического процесса («исторического материализма»). Определение Маркса утверждает, в частности, что «капитализм» является исторической фазой развития человеческого общества. Для марксизма (и в еще большей мере для ленинизма) «капитализм» — это прежде всего такая фаза общественного развития, когда рабочие живут в нищете, труд их изнурителен и тягостен, зачастую очень опасен, а заработка едва хватает, чтобы не умереть с голоду»⁶³. Согласно Марксу, продолжает Поппер, при капитализме действует закон абсолютного

---

⁶² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 11. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М. 1992. С. 222.

⁶³ Там же. Т. 1. Чары Платона. М. 1992. С. 12..

и относительного обнищания рабочего класса. Поскольку буржуазия беспощадно эксплуатирует пролетариат, в конце концов он совершает революцию, свергает капиталистов и начинает строить новую жизнь, где царствуют равенство и справедливость. «Однако история и реально существующие общества пошли иным путем. Общество, которое Маркс именовал «капитализмом», неуказанно совершенствовалось. Благодаря прогрессу техники труд рабочих становился все более производительным, а реальные заработки постепенно росли, даже спустя значительное время после того, как империализм либо сгинул, либо отказался от своей роли эксплуататора других народов»⁶⁴. Общий вывод Поппера: Марксов «капитализм» — неудачная теоретическая конструкция.

Аналогичные мысли высказывает крупнейший французский антимарксист Арон. Он пишет, что марксизм носит пророческий характер, хочет предсказать будущее человеческого общества, т.е. коммунизм, который наступит после свержения буржуазного строя. Но это пророчество не подтвердилось. Капитализм эпохи Маркса и современный капитализм, заключает Арон, коренным образом отличаются.

Элементарное условие всякой критики — отсутствие предвзятости. Научный подход требует беспристрастного, объективного отношения к своему оппоненту. Такого отношения не проявляют ни Поппер, ни Арон. Конечно, Маркс, как и любой другой ученый, мог ошибаться. Многие его предсказания не подтвердились по-

---

⁶⁴ Там же. С. 14.

следующим ходом исторического процесса. Верно, конечно, то, что современный капитализм качественно отличается от капитализма эпохи Маркса. Но Маркс-диалектик это прекрасно понимал. Однако он понимал и то, что эксплуататорская сущность капитализма не изменится. Да, в развитых западных странах рабочий неплохо живет, особенно если у него хорошие заработки и жилье. Но ведь он мог бы жить еще лучше, если бы большую часть прибыли не забирал имущий класс, выступающий в лице либо акционера, либо менеджера, либо предпринимателя, либо собственника. Далее, рабочие более или менее нормально живут в развитых капиталистических странах, тогда как в подавляющем большинстве государств они влачат жалкое существование, и их будущее покрыто мраком. Таким образом, общий анализ буржуазного общества, данный Марксом, остается в силе, и вряд ли его удастся кому-либо опровергнуть.

Теперь коснемся проблем, возникших внутри коммунистического и рабочего движения. После окончания второй мировой войны, особенно в конце 50-х годов двадцатого столетия многие коммунистические партии развитых капиталистических государств заявили, что пути перехода к социализму очень дифференцируются в разных регионах земного шара, ибо они зависят от конкретных исторических условий, традиций и обычаев народов и т.д.

Вопросы будущего социалистического государства возникли и в еврокоммунизме. Еврокоммунизм появился в середине 70-х годов двадцатого столетия. Сам термин был изобретен журналистами. Под "евро-

коммунизмом подразумевалось следующее: в развитых капиталистических странах Европы и Азии, а также Америки имеются идентичные социально-экономические и политические условия и поэтому социалистические перспективы этих стран имеют очень много общего. Речь идет, прежде всего, о демократии и демократических преобразованиях. Еврокоммунизм, по мнению бывшего лидера испанских коммунистов С. Каррильо, предполагает преобразования современного буржуазного общества демократическим путем с сохранением свобод и прав человека как вечных и неизменных ценностей.

Хочу подчеркнуть, что главной причиной краха современных западных коммунистических партий является отход от фундаментальных положений марксизма и принятие правил буржуазного парламентаризма. Они забыли о том, что парламентаризм нужно использовать для пропаганды идей социализма, а не укрепления буржуазного строя, сущностные черты которого остались такими же, какими они были в эпоху Маркса.

В настоящее время к политической философии Маркса порою проявляется не только критическое, но и враждебное отношение. Во многих бывших социалистических странах Маркс фактически запрещен. Слова «социализм» и «коммунизм» у многих вызывают насмешку, хотя они-то и заключают в себе подлинные гуманистические ценности. Но нет сомнения в том, что рано или поздно эти ценности победят. Бывшие марксисты, превратившиеся в антимарксистов, утверждают, что Маркс устарел, что он принадлежит XIX веку и на него надо смотреть как на мыслителя, чьи идеи никако-

го отношения не имеют к современности. Но Маркс не устарел, как не устарели Платон, Аристотель, Декарт, Гегель и другие корифеи мировой науки. Маркс современен, ибо буржуазный строй, даже в очень измененном виде, существует, рабочий класс, за интересы которого боролся Маркс, тоже не исчез. Маркс современен потому, что капитализм при всей своей трансформации переживает глубокий кризис. И выход из этого кризисного состояния в первую очередь следует искать в работах Маркса, в их творческом применении к современным реалиям.

Маркс соединил **диалектику** и **материализм**. Известно, что французские материалисты игнорировали диалектику. Зато ее восхваляли идеалисты и прежде всего Гегель, учеником которого себя считал Маркс. В «Капитале» Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁶⁵. Далее Маркс подчеркивает: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»⁶⁶.

---

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

Философия Маркса — вершина всей классической философии⁶⁷.

Таким образом, Маркс еще дальше развил философию. И неслучайно, по данным Би-би-си, большинство опрошенных накануне XXI века Маркса назвало величайшим мыслителем второго тысячелетия. В современном мире многие обществоведы опираются на построенный Марксом теоретический фундамент. Вот, например, что пишет британский философ Алекс Каллиникос по поводу своей книги: «В какой-то степени она написана под влиянием «Манифеста Коммунистической партии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Безусловно, глупой затеей была бы попытка поправить или подновить такое классическое произведение. Но «Манифест» — это самое известное у Маркса изложение критики капиталистического способа производства, критики, которую антикапиталистическое движение продолжает в теории и на практике, даже если большинство его отвергло бы ярлык «марксистского» движения. Поэтому Маркс служил мне основным ориентиром, и время от времени я обращался к форме «Манифеста»⁶⁸.

---

⁶⁷ Еще при жизни Маркса английский философ Б. Бак писал, что «Капитал» является «книгой, выработавшей в экономике учение, сравнимое по своей революционности и всеохватывающей значимости с системой Коперника в астрономии или с законом тяжести в общей механике» (См. Уин Ф. Карл Маркс, Перевод с английского, М., 2003. С. 411).

⁶⁸ Каллиникос А. Антикапиталистический манифест, М., 2005. С. 28.

Ницше — «могильщик» философии

Во второй половине XIX века капитализм начал переживать глубокий кризис. Все больше и больше обостряются противоречия между трудом и капиталом. Одной из форм разрешения этих противоречий явилась Парижская коммуна, первая власть трудящегося человека. Но буржуазия ее жестоко подавила. Другой формой явилась введение всеобщего избирательного права. Народу как будто была предоставлена возможность самому избирать своих правителей, Но тем не менее противоречия все больше и больше углублялись. Причем кризис охватил не только политические и экономические структуры, но и духовную жизнь, Ярким проявлением этого духовного кризиса является философия Ницше, который поставил своей целью разрушить все прежние философские доктрины. Он все ругал и отвергал. Его за это еще при жизни критиковали, о чем он сам пишет: «Довольно часто и всегда с большим удивлением мне говорили, что есть что-то общее и отличительное во всех моих произведениях... Все они содержат — говорили мне — западни и сети для неосторожных птиц

и едва ли не постоянный незаметный призыв к перевороту всех привычных оценок и ценимых привычек... Мои произведения называли школой подозрения, еще более школой презрения, к счастью, также школой мужества и дерзости. И действительно, я и сам не думаю, чтобы кто-то когда-либо глядел на мир с таким глубоким подозрением, как я, и не только в качестве случайного адвоката дьявола, но и — выражаясь богословски — в качестве врага и допросчика Бога...»⁶⁹.

Ницше — крайний нигилист и иррационалист, о котором Н.К. Михайловский писал, что ему «претит все, в чем он усматривает преобладание «разумности»...»⁷⁰. Вот что пишет Ницше о своем соотечественнике и великом рационалисте Гегеле: «Я думаю, что в истории немецкой образованности за последнее столетие мы не найдем ни одного опасного колебания или уклонения, которое не стало еще опаснее благодаря громадному и продолжающемуся до настоящей минуты влиянию этой философии, именно гегелевской. Поистине парализует и удручает вера в то, что ты последыш времен, но ужасной и разрушительной представляется эта вера, когда в один прекрасный день она путем дерзкого поворота мыслей начинает обоготворять этого последыша как истинную цель и смысл всего предшествовавшего развития, а в ученом убожестве его видит завершение всемирной истории. Такой способ мышления приучил

---

⁶⁹ Ницше Ф. Соч. в двух томах, Т. 1. М., 1990. С. 232.

⁷⁰ Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 390.

немцев говорить о “мировом процессе” и оправдывать свою эпоху как необходимый результат всемирного процесса; эта точка зрения поставила историю на место других духовных сил, искусства и религии, как единственную верховную силу, поскольку она является “реализующим самое себя понятием”, “диалектикой духа народов” и “мировым судом”»⁷¹.

Но Ницше не ограничился критикой своего великого соотечественника. Он разнес, если можно так выразиться, в пух и прах все прежние философские теории и течения. Причем Ницше не прибегает ни к каким научным аргументам. Он вообще не признает науку как систему идей и теорий, научные категории как инструменты познания. Он изрекает, а не доказывает. Он обвиняет всех философов в том, что они лишены исторического чувства. «...Многие из них принимают даже самоновейшую форму человека, возникшую под влиянием определенных религий, иногда просто под влиянием определенных политических событий, за прочную форму, из которой следует исходить. Они не хотят усвоить того, что человек есть продукт развития, что и его познавательная способность есть продукт развития, тогда как некоторые из них хотят даже вывести весь мир из этой познавательной способности»⁷². Казалось бы, правильно Ницше рассуждает. Действительно, без учета принципа историзма нельзя анализировать социальную и природную действительность. Принцип исто-

---

⁷¹ Ницше Ф. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1990. С. 209–210.

⁷² Там же. С. 240.

ризма — важнейший принцип диалектики. Но ведь Ницше категорически отвергает диалектику.

Ницше утверждал, что любая философия есть исповедь своего сочинителя, а не стремление к истине⁷³. Он категорически отрицает тезис античных философов о том, что философию породило влечение к познанию или удивление. Он не признает никакого мученичества философов, принесших себя в жертву во имя истины. От него очень сильно достается Джордано Бруно и Спинозе: «Эти изгнанники общества, эти долго преследуемые, злобно травимые, — также отшельники по принуждению, эти Спинозы или Джордано Бруно — становятся всегда в конце концов рафинированными мстителями и отравителями, хотя бы и под прикрытием духовного маскарада и, может быть, бессознательно для самих себя (доройтесь-ка хоть раз до дна этики и теологии Спинозы!), — нечего и говорить о бестолковости морального негодования, которое у всякого философа всегда служит безошибочным признаком

---

⁷³ Надо сказать, что идеи Ницше нашли отражение в творчестве Н.А. Бердяева. В работе «Смысл творчества» он рассматривает философию как творческий акт, а не поиск истины. Бердяев сетует на то, что философы разных течений и направлений Гегель, Конт, Спенсер, Риккерт и др. желают превратить философию в науку. Он считает, что философия не занимается поисками истины и не может считаться наукой. «Философия ни в каком смысле не есть наука и ни в каком смысле не должна быть научной» // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества, М., 1989. С. 264.

того, что его покинул философский юмор. Мученичество философа, его «принесение себя в жертву истине» обнаруживает то, что было в нем скрыто агитаторского и актерского...»⁷⁴. Физически больной Ницше изрекает интеллектуально больные мысли. Но они были подхвачены его многочисленными последователями и комментаторами.

Эти мысли были отражением кризиса буржуазного общества, который продолжается и в наше время. Ницше похоронил философию в том смысле, что он отказался от классических философских традиций, от рационализма, от доказательности философских тезисов. Его смело можно назвать духовным отцом **постмодернистской** философии.

---

⁷⁴ Там же, Т. 2. С. 261.

Постмодернизм — смерть философии

В той мере, в которой авторитеты внушают почтительный страх, в обществе благодаря беспорядку и глупости усиливаются консервативные тенденции. Прежде всего потому, что логически ясная мысль способствует росту знаний (лучшее доказательство тому прогресс естественных наук), а прогресс знаний рано или поздно ломает традиционный порядок. Неупорядоченное же мышление не приводит ни к какому конкретному результату, а самовоспроизводится может бесконечно долго, не оказывая какого-то воздействия на порядок вещей.

Станислав Андрески

Чтобы понять и оценить постмодернистскую философию, необходимо, прежде всего, хотя бы вкратце дать общую характеристику современного общества и современной духовной ситуации.

Отличительная черта нашей эпохи — глобальный кризис. Еще П. Сорокин в работе «Кризис нашего времени» писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков... Свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами»⁷⁵.

Эти строки П. Сорокин писал в конце 30-х годов прошлого века. Под кризисом он тогда подразумевал кризис духовной культуры западного общества. Однако сегодня в начале двадцать первого века мы наблюдаем не только духовный кризис западного общества, но и **глобальный** кризис, охвативший все сферы общественной жизни — экономическую, политическую, социальную и духовную. Этот кризис вызван многими причинами, но в первую очередь **глобализацией** современной общественной жизни.

---

⁷⁵ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

Возьмем экономическую сферу. Следует подчеркнуть, что во все времена народы и государства сотрудничали между собой, обменивались материальными и духовными ценностями. Это сотрудничество особенно усилилось в эпоху капитализма, о чем писали еще в девятнадцатом веке Маркс и Энгельс: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся

все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»⁷⁶.

Это сотрудничество государств можно назвать **интернационализмом**, суть которого заключалась в том, что взаимовыгодное сотрудничество не затрагивало национальные границы и национальный суверенитет. Каждое государство определяло свою внутреннюю политику и внешнюю политику, исходя из своих национальных интересов, национальных традиций и культур.

Иначе говоря, одна культура не стремилась к поглощению другой. Кстати, это касалось не только культур, но экономических и политических сфер. В экономике, например, сотрудничество предполагало сохранение национальных хозяйств, в целом национальной экономики. Каждое государство стремилось к тому, чтобы защитить свой рынок от интервенций импортных товаров. И за это его никто не осуждал. В политике интернационализация предполагало уважение права народов на самоопределение, национального суверенитета, защиту государственных границ и государственной целостности. Для этого были созданы различного рода международные организации, была разработана международная система правового регулирования всех вопросов, возникающих между государствами. Ни одно государство не навязывало нагло и грубо свои представления о жизнеустройстве, свои материальные и духовные ценности. И никогда не возникали пробле-

---

⁷⁶ Маркс К., и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 427–428.

мы толерантности культур и цивилизаций, традиций и обычаев разных народов, хотя, конечно, нередко появлялись противоречия при решении тех или иных важнейших общемировых вопросов.

Но в конце XX века, особенно после развала Советского Союза и образования монополярного мира интернационализация человечества приобретает характер глобализации. В отличие от интернационализма нынешняя глобализация или **неолиберализм** полностью игнорирует национальный суверенитет и национальные границы. Пусть читатель простит за длинную цитату, но другого выхода нет. Известный российский специалист по глобализации Уткин А.И. пишет: «В начале 1980-х гг. руководители трех самых мощных экономических ведомств, расположенных в американской столице, — министерство финансов США, Международный валютный фонд и Всемирный банк достигли согласия в том, что главным препятствием для экономического роста являются таможенные и прочие барьеры на пути мировой торговли. Глобальной целью стало *сокрушить эти барьеры*. Так сформировался «вашингтонский консенсус», открывший ворота мировой глобализации. Собственно, «вашингтонским консенсусом» называются десять рекомендаций по реформированию мировой торговли, сформулированных в 1989 г. экономистом Дж. Вильямом.

1. Налоговая дисциплина. Большие и постоянные дефициты бюджета порождают инфляцию и отток капитала. Государства должны свести этот дефицит к минимуму.

2. *Особая направленность общественных расходов.* Субсидии предприятиям должны быть сведены до минимума. Правительство должно расходовать деньги лишь в сфере образования, здравоохранения и на развитие инфраструктуры.
3. *Налоговая реформа.* Сфера налогообложения в обществе должна быть широкой, но ставки налогов — умеренными.
4. *Процентные ставки.* Процентные ставки должны определяться внутренними финансовыми рынками. Предлагаемый вкладчикам процент должен стимулировать их вклады в банки и сдерживать бегство капиталов.
5. *Обменный курс.* Развивающиеся страны должны ввести такой обменный курс, который помогал бы экспорту, делая экспортные цены более конкурентоспособными.
6. *Торговый либерализм.* Тарифы должны быть минимальными и не должны вводиться на те товары, которые способствуют (как части более сложного продукта) экспорту.
7. *Прямые иностранные капиталовложения.* Должна быть принята политика поощрения и привлечения капитала и технологических знаний.
8. *Приватизация.* Должна всячески поощряться приватизация государственных предприятий. Частные предприятия обязаны быть более эффективными хотя бы потому, что менеджеры непосредственно заинтересованы в более высокой производительности труда.

9. *Дерегуляция.* Излишнее государственное регулирование порождает лишь коррупцию и дискриминацию в отношении субподрядчиков, не имеющих возможности пробиться к высшим слоям бюрократии. С регуляцией промышленности следует покончить.
10. *Права частной собственности.* Эти права должны быть гарантированы и усилены. Слабая законодательная база и неэффективная юридическая система уменьшают значимость стимулов, побуждающих делать накопления и аккумулировать богатства»⁷⁷.

Это есть квинтэссенция экономической глобализации, под которую подгоняются и другие сферы общественной жизни.

Транснациональные корпорации, выступающие в роли авангарда неолиберализма, не признают никаких политических границ, никаких национальных традиций и культур. Но поскольку абсолютное большинство этих корпораций принадлежит Соединенным Штатам Америки, то вполне естественно считать, что глобализация превратилась в *американизацию*. Можно сказать, что нынешняя глобализация есть **американизация** всего мира.

Под видом глобализации США навязывают свои ценности, свои представления о правах человека, о демократии и свободе, об образовании, даже об отдыхе всему миру. Те государства, которые не подчиняются

---

⁷⁷ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление, М., 2002. С. 15–16.

диктату США, объявляются «осью зла», очагами терроризма и против них используются все средства, в том числе насильственные для того, чтобы навязать им свою волю. Яркий пример — Ирак. Руководство этого небольшого ближневосточного государства, очень богатого нефтью, не желало жить под диктовку США, и оно было ими свергнуто. Американцы под предлогом борьбы с диктаторским режимом, угрожающим якобы их интересам, бомбят Ирак, убивают ни в чем не повинных людей, уничтожают его культуру и его национальный суверенитет. Они выступают в роли **агрессоров**. Но трагизм ситуации заключается в том, что, несмотря на протесты миллионов людей во всем мире, в том числе в самих США, американское правительство методично продолжает уничтожать Ирак. Причем агрессивную политику американского правительства, несмотря на робкие возражения Франции, Германии, Китая и России, фактически поддерживает весь политический мир.

Глобализация, как уже отмечалось, фактически уничтожает национальное государство, являющееся формой социального бытия народа. Именно в рамках национального государства народ создает материальные и духовные ценности, сохраняет свои традиции и обычаи, свой менталитет и свою идентичность и в конце концов свою историю. Если нет национального государства, то нет и истории народа. Кроме того, «национальное государство есть государство территориальное, его власть зиждется на связи с определенной местностью (контроль над членством, издание действующих законов, защита границ и т.д.). Мировое общество, ко-

торое образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая его территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения»⁷⁸.

Нынешняя глобализация или американизация ведет к обострению противоречий между развитыми и слаборазвитыми государствами. Она усиливает социальное неравенство и социальную несправедливость. Сотни миллионов людей нищенствуют, растет число безработных, все больше и больше ощущается неуверенность в завтрашнем дне. Исчезают традиционные моральные принципы и нормы. Их место занимают аморализм, наркомания, проституция и другие «прелести» американского «свободного общества». Разрушается экологическая среда обитания людей.

Поэтому надо осознать, что сложившаяся в современном мире ситуация представляет собой исключительную опасность для будущего человечества. Но необходимо бороться не против глобализации вообще, а против американской модели глобализации, против навязывания американских ценностей и американского видения мира. Нельзя допустить, чтобы государство, чья культура насчитывает немногим более двухсот лет,

---

⁷⁸ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию, М., 2001. С. 14–15.

диктовала народам и государствам с тысячелетней историей свои принципы, свой образ мыслей и свой кодекс поведения. Если остановить американскую модель глобализации — а для этого требуется лишь политическая воля всех государств, — то от подлинной глобализации выиграют все народы: ведь взаимодействие государств и народов ведет к их взаимообогащению, к сохранению их национальных культур и национального суверенитета. Но если будет продолжаться американская модель глобализации, то вполне возможна гибель человеческой цивилизации. «...Если фатализм постмодерна и неолиберального глобализма окажется самоподтверждающимся пророчеством, то ситуация действительно станет фатальной. Но тогда могут стать реальностью ужасные картины будущего, всецело захватившие общественное воображение»⁷⁹.

Конечно, понятно, что в современных условиях ни один народ не может ту или иную продукцию производить в одиночку, так как он должен использовать для этого соответствующие орудия производства, которые выпускаются другими государствами. Различного рода транснациональные корпорации и компании охватили по существу все континенты земного шара. Международное разделение труда приобрело невиданные масштабы. Все это имеет, безусловно, позитивное значение. Но нельзя не обратить внимания на то, что глобализация современных экономических отношений имеет огромные

---

⁷⁹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 276.

негативные последствия. Так, экономически сильно развитые государства играют доминирующую роль в глобальном экономическом сотрудничестве. Они используют сырьевые ресурсы слаборазвитых стран, дают им под большие проценты кредиты (причем эти кредиты часто используются в политических целях), которые не всегда применяются по назначению. Это приводит к тому, что растет долг слаборазвитых государств. Они не в состоянии развивать национальную экономику, поднимать жизненный уровень своего народа. Миллионы людей не удовлетворяют своих элементарных потребностей, сотни тысяч умирают от голода. Американский исследователь Д. Белл пишет, что «среди бедных стран Африка является единственным континентом, население которого в конце 80-х годов жило хуже, чем в конце 70-х, а в конце 90-х будет жить хуже, чем в конце 80-х»⁸⁰. Отсюда неизбежные противоречия между слаборазвитыми и развитыми государствами.

Но сами развитые государства тоже переживают время от времени экономические кризисы, о чем свидетельствуют многие факты из современной жизни. Десятки миллионов граждан этих государств не удовлетворяют общественно необходимые потребности, то есть потребности, которые порождены современным уровнем производства. Растет число безработных. Миллионы людей оказались в маргиналах. Они фактически исключены из жизни общества. В самом незавидном

---

⁸⁰ Bell D. L'Afrique au-dela de l'an 2000. Revue Commentaire. Numéro 69 / Printemps 1995. P. 5.

положении находится молодежь — будущее любого общества. Растет неуверенность в завтрашнем дне. Увеличивается число нервных заболеваний, нередко приводящих к суицидам.

Наблюдается кризис и в социальной сфере. Много пишут о том, что якобы в современных развитых странах роль стабилизирующего фактора играет «средний класс». Причем главным критерием отнесения того или иного индивида к такому классу объявляется уровень доходов. Но этот показатель не может быть главным критерием по той простой причине, что он не учитывает сложившиеся стандарты жизни, традиции, обычаи, профессию и т.д. Возьмем, например, профессора и мелкого служащего, имеющих одинаковые доходы. Можно ли на этом основании отнести их к одному и тому же среднему классу? Нет, конечно. Дело в том, что профессор, кроме удовлетворения материальных потребностей, должен по определению удовлетворять и свои духовные потребности. Поэтому ему требуется более высокий уровень доходов, чем мелкому служащему. Не следует забывать, что потребности людей постоянно растут. А уровень доходов нередко остается одним и тем же. Следовательно, меняется положение представителей среднего класса. Конечно, в целом в развитых странах жизненный уровень улучшается, но тем не менее, факты свидетельствуют о том, что миллионы людей вынуждены влачить жалкое существование. «Если рабочий и босс, — пишет Маркузе, — наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если машинистка заgrimирована не менее

эффектно, чем дочь ее начальника, если негр владеет «Кадиллаком» и все они читают одни и те же газеты, то это уподобление указывает не на исчезновение классов, но на то, насколько основное население усваивает потребности и способы их удовлетворения, служащие сохранению Истэблишмента»⁸¹. Продолжается эксплуатация человека человеком. Одни все больше и больше богатеют, а другие все больше и больше беднеют.

Современное общество не избавилось от тех негативных черт, о которых еще писали Маркс и Дюркгейм. Я имею в виду социальное отчуждение и аномию. Напротив, люди все больше и больше отчуждаются друг от друга. Индивидуализм и эгоизм, особенно среди молодежи, нередко доминируют в социальных отношениях. Проституция, наркомания, СПИД и другие пороки овладели миллионами людей. Современная цивилизация никому не дает уверенности в том, что он будет себя чувствовать комфортно или, по крайней мере, более или менее удобно в кругу себе подобных. У людей все чаще и чаще проявляется аномия, то есть безразличие, апатия, неуважение существующих ценностей и т.д.

К социальной сфере относятся и межэтнические отношения. Казалось бы, в современную эпоху, когда мировая цивилизация достигла огромных успехов, когда сформировалось единое политическое и историческое пространство, а также планетарное мышление, всякого рода национальные конфликты должны были уйти в прошлое. Но этого не случилось. Напротив, межэтнические

---

⁸¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 11.

противоречия во многих странах нередко приводят к военным действиям. Такое положение наблюдается не только на территории бывшего СССР, но и в других регионах мира, в том числе в развитых странах. Это говорит о том, что причины межэтнических конфликтов следует искать не только в экономических, но и в других явлениях, в частности в стремлении иметь самостоятельное государственное образование. В этой связи нельзя не вспомнить Гегеля, писавшего, что «народ как государство есть дух в своей субстанциальной разумности и непосредственной действительности, поэтому он есть абсолютная власть на земле; следовательно, каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому»⁸². Народ без государственного образования не есть политический народ. Поэтому народу очень важно иметь свое собственное политическое образование. Именно в его рамках он может самостоятельно развивать свою культуру, вести международные дела, короче, быть суверенным политическим субъектом.

Переживает острейший кризис и политическая сфера общественной жизни. Прежде всего, следует подчеркнуть, что демократические формы правления, которые вот уже несколько веков играли доминирующую роль в политической жизни буржуазного общества и которые, несомненно, способствовали раскрепощению человека, проявлению его инициативы и воли, укрепляли формы и принципы правовых взаимоотношений людей, личности и общества, личности и государства,

---

⁸² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 365.

сегодня уже не отвечают требованиям времени. Конечно, они никогда не считались идеальными, но в современную эпоху настолько деформированы и настолько уже не отвечают новым реалиям, что люди к ним относятся с недоверием. Так, выборы в различные органы государства превратились фактически в фарс, в шоу. Используемые средствами массовой информации, особенно телевидение, избирательные технологии практически лишают граждан возможности выбирать среди кандидатов на высшие государственные должности. Они не выбирают, а голосуют, причем голосуют в виде «атомизированных индивидов» и уже в силу этого имеют довольно плохое представление о последствиях своего голосования. Политики, как правило, преследуют свои личные, корыстные интересы, а не интересы государства и общества. Деньги, обман, коррупция, отчуждение граждан от власти — вот далеко не полный перечень негативных черт современной демократии.

Возьмем теперь духовную сферу. Здесь глобальный кризис проявляется также глубоко, как в других сферах. На первый взгляд такое утверждение может показаться парадоксальным. Действительно, человечество на современном этапе своего развития достигло огромных успехов. По сравнению с предыдущими эпохами миллиарды людей стали грамотными. Они успешно используют достижения современной научно-технической революции, как в общественной, так и в частной жизни. Радио, телевидение, видеотехника, компьютеры, калькуляторы и т.д. дают возможность человеку обогащать свой субъективный мир, осваивать все новые и новые пласты

культуры. Ежедневно выходят миллионы газет и журналов, ежегодно публикуются сотни тысяч книг, статей и брошюр. Казалось бы, интеллектуальный уровень людей должен быть очень высоким.

Однако в начале третьего тысячелетия сложилась трагическая ситуация. Дело в том, что глобальный кризис человечества сопровождается **деинтеллектуализацией** общества. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время. Люди, особенно, молодежь не желают заниматься интенсивной умственной деятельностью. Многие школьники не знают таблицу умножения, и ничего плохого не видят в этом. Если нужно что-то посчитать, они достают из кармана калькулятор, чтобы совершить элементарные арифметические подсчеты. Крайне редко стали обращаться к классикам мировой литературы. Прежние духовные ценности либо уничтожаются, либо игнорируются. Добродетельный человек, которым гордились и которого ценили высоко, считается неудачником. Теперь главное не моральные принципы и нормы, а полезность. Человек человеку нужен постольку, поскольку он полезен в данных конкретных обстоятельствах. В школах главное внимание обращается не на духовное обогащение, а на полезность. Полезны, например, знания в области секса, поэтому вводится курс сексологии. Взаимоотношения разных полов сводятся только к чисто сексуальным отношениям. Любовь как возвышенное чувство уступает место удовлетворению животных инстинктов. На-

сильственно стираются различия между мужчиной и женщиной. Обоим полам навязываются одинаковые правила поведения: агрессивность, отказ от чувства стыда как комплекса «неполноценности», утверждается биологическое равенство, хотя известно, что такое равенство немислимо. Под видом соблюдения прав человека проповедуется гомосексуализм, противоречащим законам природы. Рушатся семейные нормы и принципы. Все это является следствием неолиберализма

Средства массовой информации (СМИ) главную свою задачу видят не в формировании духовно богатых и высоконравственных людей, а в том, чтобы развлекать их, особенно молодежь, прививать им псевдоценности. Главное для СМИ — полезность, доходность, стремление к обогащению. Журналисты готовы обслуживать любого, имеющего солидные финансовые возможности. Они внушают, а не убеждают. Они обращаются к инстинктам человека, а не к его разуму.

Средства массовой информации, вместо того, чтобы способствовать интеллектуализации общества, деинтеллектуализируют его. Они породили такую страшную болезнь, как *социальный идиотизм*. Обычно под идиотизмом подразумевают врожденное слабоумие. Его изучением занимается психология. Но под социальным идиотизмом следует подразумевать общество, когда оно не может адекватно отражать окружающую социальную действительность.

Социальный идиотизм близок к иррационализму, но не тождественен ему. Дело в том, что иррационализм связан с бессознательными действиями человека, с чув-

ственной формой познания. Особенно в этом преуспевает телевидение. Телевизор, представляющий собой «идиотский ящик», из любого нормального человека может сделать идиота. Вообразим себе такую картину: всегда с вами находится человек (ведущий телепередачу), которого вы, быть может, в жизни никогда не видели. Но он вам близок, потому что всегда находится с вами. Он вам не дает думать, да и вам в этом нет необходимости. Он за вас все делает, а вы должны слушать и смотреть на него. Вы представляете ситуацию в обществе, вы знаете, что стоимость жизни растет, а он вам говорит, что это временные трудности, что рейтинг руководителей постоянно повышается. А вы этому верите и не можете не верить, потому что другие мнения до вас не допускаются. Таким образом, ведущий из вас делает идиота, но вы готовы слушать его и наслаждаться его телодвижениями.

Таким образом, как уже отмечалось СМИ и, прежде всего, телевидение, способствует падению интеллектуального уровня общества, распространению аморальных явлений и фактов (нередко на телеэкране «главными героями» выступают насильники, наркоманы, вообще преступники). Великое достижение человечества — компьютерная техника — используется для «удовлетворения» своих сексуальных потребностей. Вместо подлинной реальности, наполненной живыми людьми со своими проблемами и чувствами, появилась виртуальная реальность. Жесты, мимика, выражение лица, обычное человеческое общение заменяются голым человеческим общением. Люди не нужны друг другу. Технотронная эра **дегуманизирует** общество.

Глубокий кризис переживают гуманитарные науки. Это особенно касается философии, проникнутой духом иррационализма.

Более шестидесяти лет назад на усиление иррационализма обратил внимание К. Манхейм. В связи с этим он выдвинул три тезиса. Суть **первого** тезиса заключается в том, что «современное общественное устройство ждет крушение, если рациональное самообладание всех людей и отдельных индивидов не будет идти в ногу с техническим развитием»⁸³. К. Манхейм пишет, что возникла диспропорциональность в развитии человеческих сил. С одной стороны, наблюдается развитие науки и техники, а с другой — моральное совершенствование общества не успевает за этим развитием. Отсюда следует **второй** тезис: «рост рациональности, формирование инстинктов и моральности являются в общественном развитии не чем-то случайным и отнюдь не в первую очередь делом отдельных индивидов, а зависят от данной общественной структуры задач»⁸⁴. Одни индивиды, социальные группы оказываются в более привилегированном положении, чем другие, что не может не сказываться негативно на всем развитии общества. **Третий** тезис связан с тем, «что все предшествующие общества могли допускать диспропорциональность в распределении рациональности и моральных сил, так как они основывались именно на этой социальной диспропорциональности рациональных и моральных элементов...

---

⁸³ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287.

⁸⁴ Там же, С. 287.

Новое в современном обществе состоит, по моему мнению, в том, что оно длительно не может выносить обе упомянутые формы диспропорциональности: ни общий недостаток рациональности и моральности в духовном господстве над общим процессом, ни их неравномерное социальное распределение»⁸⁵. К. Манхейм выражал обеспокоенность таким положением дел.

В современную эпоху ситуация еще больше ухудшилась. Со всех сторон идут атаки на классический рационализм, на возможности Разума познать объективную действительность, на науку. И здесь особая «заслуга» принадлежит **постмодернизму**. «Первыми свидетельство о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы постмодернизма»⁸⁶.

Главные представители постмодернизма Ж. Бодрийар, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, М. Серр, Р. Рорти и многие другие все превратили в «пост», то есть в «после»: постфилософия, постнаука, постискусство, постлитература, постистория и т.д. и т.п.

В этой связи необходимо вспомнить мощные волнения во Франции в 1968 году, начало которым положили студенты и которые охватили более десяти миллионов человек. Радикально настроенные студенты, среди которых было и немало будущих постмодернистов, желавших немедленного свержения власти буржуазии и установле-

---

⁸⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 288.

⁸⁶ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 21.

ния революционных порядков. Кроме того, они требовали, чтобы были изменены учебные программы, чтобы сократили часы на преподавание философии, особенно истории философии, поскольку, с их точки зрения, классическая философия в жизни им никогда не пригодится. Более того, во всех своих бедах они обвиняли философов-рационалистов XVIII века, проповедовавших просветительские и материалистические идеи. Все это было использовано затем постмодернистами. В сущности они требовали полной либерализации всех жизненных ценностей, узаконения гомосексуальных связей и т.д. и т.п.

Однако студенты потерпели поражение, после чего страшно разочаровались в революции и революционных теориях. Произошел раскол среди студенчества и революционной интеллигенции. В результате этого раскола возникло три духовных течения: «новая философия», философия «новых правых» и «философия постмодернистов». «Новые философы» (А. Глюксман, Ж.М. Бенуа, Ж.П. Долле, М. Герен, Б.А. Леви и другие) подвергали критике классическую философию, прежде всего марксистскую философию. Они политизировали философию, придав ей исключительно политическую окраску. Они выступили с позиции иррационализма и пессимизма⁸⁷.

Что касается «новых правых» (А. де Бенуа, Ш. Брессоль, А. Гобар, П. Виаль и другие), то они стали

---

⁸⁷ Более подробно см. Гобозов И.А. Критический анализ взглядов так называемых новых философов // Философские науки, 1979. № 2. Его же, История философии в интерпретации «новых философов» // Философские науки, 1981. № 6.

выдвигать националистические и расистские идеи. Они объявили себя неоконсерваторами и релятивистами⁸⁸.

Нельзя не отметить, что в отличие от «новых философов» и «новых правых» постмодернисты вначале не пользовались широкой популярностью. Пик их популярности приходит на середину восьмидесятых годов двадцатого столетия. В настоящее время постмодернистские идеи доминируют в общественном сознании, в искусстве и литературе, в архитектуре и т.д. Нельзя не отметить, что среди философов-постмодернистов очень мало людей с базовым философским образованием. В основном это либо литераторы, либо психоаналитики, либо лингвисты, либо медики и т.д.

В России немало сторонников постмодернизма, особенно среди молодежи⁸⁹. Молодые люди по природе своей ищут нечто новое, что, несомненно, заслуживает похвалы. Но при этом не следует забывать, что не всякое новое философское течение есть шаг вперед в развитии философии. Тем не менее, многие молодые деятели интеллектуального труда постмодернизм представляют как последнее достижение духовного производства общества. Они жонглируют постмодернистскими фразами, но не задумываются над их смыслом и содержанием.

---

⁸⁸ Более подробно см. Гобозов И.А. Философия истории «новых правых» // Философские науки, 1987. № 4.

⁸⁹ Это неудивительно: «прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне» (Чаадаев); у нас, как писал Маркс, «гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад» (Маркс).

Главное для них — дискурс и еще раз дискурс. Их не волнует то, что этот дискурс ничего общего не имеет с реалиями жизни и с подлинной философией.

Многие представители старшего поколения подыгрывают молодым философам, потому что у них никогда не было своих философских убеждений, и хотят шагать вместе с молодежью. Есть и такие философы из старшего поколения, которые понимают абсурдность постмодернистских философских рассуждений, но боятся говорить об этом вслух. Они имплицитно полагают, что если начнут открыто критиковать постмодернизм, то они будут обвинены в ретроградстве. Но настоящий ученый не боится быть обвиненным в ретроградстве или еще в чем-то. Его цель — объективное исследование социальных процессов и феноменов, раскрытие их имманентной логики развития.

Следует подчеркнуть, что на Западе появилось немало интересных работ, в которых подвергаются убедительной критике постмодернистские «дискурсы». В этой связи особо нужно выделить замечательную книгу двух физиков Сокала А. и Брикмона Ж. «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна». Поскольку эту книгу не все читатели могли прочесть (тираж всего-навсего 1000 экземпляров), я хочу привести целиком и полностью историю зарождения этой прекрасной книги, описанную ее авторами. Предоставляю слово им самим: «История создания этой книги, — пишут Сокал А. и Брикмон Ж., — началась с розыгрыша. В течение нескольких последних лет нас удивляло и удручало интеллектуальное перерож-

дение американской университетской интеллигенции. Широкие области гуманитарных наук и литературоведения оказались обращены в то, что мы для простоты будем называть «постмодернизм». Это интеллектуальное течение характеризуется более или менее развернутым отказом от рационалистической традиции Просвещения, установлением независимых от любой эмпирической проверки теорий, когнитивным и культурологическим релятивизмом, который рассматривает науки как «наррации» или социальные конструкторы среди прочих.

Чтобы отреагировать на это явление, один из нас (Сокал) решил провести не очень научный, зато оригинальный эксперимент: предложить в одном модном культурологическом журнале «Социальный текст» пародию на ту самую литературу, что так быстро распространяет свое влияние, конечно, ничего не говоря об этом издателям, и посмотреть, опубликуют ли ее. Статья под громким названием «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации» переполнена глупостями и явными нелепостями. Более того, она декларирует крайний когнитивистский релятивизм: с самого начала ставится под сомнение устаревшая «догма», согласно которой «существует внешний по отношению к нашему сознанию мир, содержание которого независимо от отдельного человека и всего человечества в целом», а далее категорически заявляется, что «физическая реальность», точно так же как «реальность» социальная, является лингвистической и социальной конструкцией». На основе дальнейших совершенно логически диких рассуждений делается вывод о том, что «число π Эвклида

и сила притяжения G Ньютона, которые до сих пор считались постоянными и универсальными, теперь должны рассматриваться как исторически преходящие». И вся статья в том же духе.

Тем не менее статья была принята и опубликована! Более того, она была опубликована в специальном номере как ответ на выступление отдельных ученых против постмодерна. Публикация статьи, да еще в специальном номере оказалась для издателей «Социального Текста» самым радикальным из возможных саморазоблачений!»⁹⁰. Публикация постмодернистами этой статьи свидетельствует об их невежественности и шарлатанстве. Они даже не поняли, что их разыграли.

Сокал А. и Брикмон Ж. поставили перед собой такие цели: Во-первых, подвергнуть критике постмодернистов (Лакана, Бодрийара, Кристеву, Иригарэя, Делеза и других) за их, как они считают, безграмотное использование научных идей, за их злоупотребления научными данными для подтверждения своих философских тезисов. Во-вторых, дать аргументированную критику постмодернистского абсолютного эпистемологического релятивизма, согласно которому нет никакой разницы между мифом и наукой, между научными данными и вымыслом. К чести авторов книги они успешно реализовали обе цели.

Сокал А. и Брикмон Ж. как физики обнаружили в работах постмодернистов, пытающихся произвольно

---

⁹⁰ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна, М., 2002. С. 16–17.

интерпретировать научные данные, злоупотребления. Под этими злоупотреблениями авторы подразумевают следующее:

«1. Свободно рассуждать о точных теориях, о которых имеется, в лучшем случае, лишь смутные впечатления. Чаще всего авторы лишь используют научные (или кажущиеся научными) термины, не задумываясь о том, что они означают.

2. Переносить понятия точных наук в гуманитарные науки без какого бы то ни было эмпирического или концептуального обоснования. Ведь биологу, который захотел бы использовать элементарные понятия топологии (вроде тора), теории множеств или дифференциальной геометрии, пришлось бы объясняться. Его коллеги просто не поняли бы его рассуждений по аналогии. Здесь же, наоборот, выясняется, что, с точки зрения Лакана, структура невротика и есть тор (то есть это сама реальность!...), с точки зрения Кристевой, поэтический язык есть сила континуума, а с точки зрения Бодрийара, современные войны разворачиваются в неевклидовом пространстве...

3. Кичиться ложной эрудированностью, обрушивая на головы читателя ученые слова в таком контексте, в котором они не имеют вообще никакого смысла. С одной целью, несомненно, — поразить и, главное, смутить не подготовленного специально читателя...

4. Жонглировать фразами, лишеными смысла и играть словами. Речь идет о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям»⁹¹.

Абсолютно верные слова. Постмодернисты, действительно, любят жонглировать фразами, лишенными смысла и заниматься словесными упражнениями. Вся работа Делеза «Различие и повторение» состоит из фраз, лишенных смысла. Наугад открываю страницу 30 и читаю: «Дискретное, отчужденное, вытесненное — три случая естественной блокировки, соответствующие номинальным концептам, понятиям природы и свободы. Но во всех случаях, чтобы объяснить повторение, обращаются к форме тождественности понятия, форме Одинакового в представлении»⁹².

И эту тарабарщину объявляют новым словом в философии!

Нельзя не отметить, что само понятие постмодернизма довольно расплывчато и туманно. Модерн — это новая эпоха, охватывающая три с половиной века, это эпоха формирования буржуазных общественных отношений. Именно в эту эпоху начинает доминировать *laissez-fairisme*, принцип личной инициативы. Вспомним феодализм с его сословными и кастовыми делениями и привилегиями. В условиях феодального строя человек лишен возможности проявить личную инициативу, действовать свободно и независимо. Человек же модерна или капитализма получает свободу действий в рамках существующих правовых норм и зако-

---

⁹¹ Сокал А. и Брикмон Ж. «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С.19.

⁹² Делез Ж. Различие и повторение, перевод с французского, Санкт-Петербург, 1998. С. 30.

нов. Не приходится сомневаться в том, что это был великий скачок в создании для человека условий проявлять свои физические и духовные потенции.

В эпоху модерна получает широкое развитие наука. Декарт, Галилей, Ньютон и многие другие великие ученые внесли огромный вклад в науку. В эту же эпоху расцветает философия. Просветители Франции, Англии, Германии, классическая немецкая философия — свидетельство взлета человеческой мысли, человеческого разума.

Понятие модерна четко и ясно указывает на великую эпоху в развитии человеческого общества. Мыслители этой эпохи довольно отчетливо выразили в своих сочинениях то, что они хотели сказать. Они возвеличивали Разум, выступали за Прогресс, верили в лучшее будущее человеческого общества. Они свои мысли излагали строго логически и аргументированно защищали выдвигаемые им теоретические тезисы. В их сочинениях виден прогресс знаний, и уже в силу этого нельзя их просто воспроизводить без критического анализа.

Что касается понятия постмодернизма, то, как я уже отмечал выше, трудно определить, какую смысловую и теоретическую нагрузку несет это понятие. Не случайно многие философы (Ж. Деррида, например) от него отреклись. Это понятие по существу охватывает современное гуманитарное знание, современное искусство, современную архитектуру, современную художественную литературу и т.д. и т.п. Не берусь судить относительно других областей культуры, но по поводу постмодернистской философии могу сказать, что — это

шаг назад в философской рефлексии. Сочинения постмодернистов порой бессмысленны и бессодержательны. Их можно воспроизводить бесконечно и никакого научного прогресса никто не заметит.

Посмотрим, как трактуют философию Делёз и Гваттари. Они решили выяснить суть философии в работе «*Qu'est-ce que la philosophie?*» («Что такое философия?»). Во «Введении» авторы пишут, что раньше тоже ставили вопрос о том, что такое философия, но ставили его абстрактно и туманно. Но теперь пришло время ставить этот вопрос конкретно и ясно(!). «...Мы уже нашли неизменный ответ на этот вопрос: философия есть искусство формулировать, изобретать и фабриковать понятия. Но недостаточно, чтобы ответ соответствовал вопросу. Нужно также, чтобы он определял час, благоприятный момент, пейзаж и персонажей, а также условия и неизвестные моменты вопроса. Нужно уметь ставить вопрос «между друзьями, как тайна или доверие, или перед недругом, как вызов, найти этот час, когда не доверяют даже другу и ведут себя как волк и собака»⁹³. (С такого рода бессмыслицей мы будем встречаться в работах постмодернистов постоянно, но придется с этим хотя бы временно смириться).

Но понятия, продолжают наши постмодернисты, нуждаются, как они выражаются, в концептуальных персонажах, которые помогают их выяснению. Таким персонажем, оказывается, выступает «Друг», свидетельству-

---

⁹³ Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, 1991. P. 8.

ющий о греческих истоках философии. В других странах имели «Мудрого» при определении философии. «Греки похоронили Мудрого и заменили его философами, друзьями мудрости, то есть теми, кто ищет мудрость, но совершенно не обладают ею»⁹⁴. Старый мудрец, продолжают Делёз и Гваттари, явившийся с Востока, мыслит Образами, в то время как греческий философ изобретает и мыслит Понятиями.

По мнению Делёза и Гваттари, очень трудно определить содержания термина «Друг», между тем это необходимо, так как данный термин греческие философы широко используют.

Как видно, Делёз и Гваттари при анализе античной философии обращают внимание не на проблемы истины в работах греческих философов, а на второстепенные вопросы. Ведь дело не в том, что применяются термины «друг» или «мудрость», а в том, что с самого начала античные философы, рефлекслируя над бытием окружающей природной и социальной действительности, занимались поисками истины.

Авторы книги «*Qu'est-ce que la philosophie?*» в первую очередь решили рассмотреть сам термин «понятие». Всякое понятие, пишут они, состоит из определенных элементов и определяется через них. Нет понятия, состоящего из одного элемента. Оно может состоять из множества элементов. Поэтому понятие можно делить на куски, добавлять к нему новый элемент или редуцировать к нескольким элементам. Это дело вкуса. При этом для Делё-

---

⁹⁴ Ibid. P. 8.

за и Гваттари не стоит вопрос о том, что всякое понятие так или иначе должно отражать хотя бы приблизительно объективный мир. Ведь оно несет определенную смысловую нагрузку лишь благодаря тому, что отражает существенные стороны и черты мира природы и мира общества.

Всякое понятие, продолжают французские постмодернисты, имеет свою историю и свое становление. Они связаны между собой. Они одновременно относительны и абсолютны. Но они не имеют дискурсивный характер.

Для того чтобы подтвердить свои философские рассуждения, Делёз и Гваттари приводят разные примеры. В частности, они анализируют знаменитый тезис Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую», который я выше приводил. Понятие *Я* у Декарта, пишут его современные соотечественники, имеет три составляющих: сомневаться, мыслить и существовать. «Все содержание понятия, состоящего из множества элементов, будет выглядеть так: я мыслю, “следовательно”, я существую или более полно: я, который сомневается, я мыслю, я есть, я есть вещь, которая мыслит»⁹⁵. Понятие сжимается до *Я*, которое проходит через все элементы. Получается так: *Я* — сомневаться, *Я* — мыслить, *Я* — существовать. Все элементы понятия неразрывно связаны между собой и находятся в определенных зонах. «Первая зона находится между “сомневаться” и “мыслить” (я, который сомневается, я не могу сомневаться в том, что я мыслю), а вторая зона — между “мыслить” и “существовать” (чтобы мыслить, надо существовать)»⁹⁶.

---

⁹⁵ Ibid. P. 29.

Я больше не буду утомлять читателя этими словесными упражнениями и бессмысленными рассуждениями. Я выше показал, почему Декарт выдвинул свой знаменитый тезис *Cogito, ergo sum*.

Общий вывод Делёза и Гваттари: философия не есть ни созерцание, ни рефлексия, ни коммуникация. Она формулирует понятия. Задача философии выяснить, какова природа понятия.

Этот вывод можно было бы приветствовать, если бы Делёз и Гваттари действительно анализировали понятия, отражающие общие и существенные черты предметов объективного мира. Нет, они этого не хотят. Они занимаются как истинные постмодернисты эквилибристикой и казуистикой.

Теперь посмотрим, как постмодернисты относятся к прошлому философскому наследию. Сразу же отмечу, что постмодернисты во всех кризисных явлениях современного общества обвиняют классический рационализм. Они, например, утверждают, что XX век — это век непрерывных войн, унесших миллионы человеческих жизней. М. Серр, например, анализируя причины того, почему он крайне негативно относится к эпохе модерна, о которой я уже выше писал как о великой эпохе, пишет, что его поколение, родившееся в начале тридцатых годов, можно назвать поколением войны: «В шесть лет узнал о войне в Испании, в девять лет о Blitzkrieg 1939 года, о поражении и крахе; в двенадцать лет — о разрыве между сторонниками Сопrotивления и коллаборациониста-

---

⁹⁶ Ibid. P. 29.

ми; в четырнадцать — об Освобождении и сведении счетов, которые вызвало это Освобождение во Франции; в пятнадцать лет о Хиросиме. Короче, с девяти до семнадцати лет, когда формируются дух и тело человека, свирепствует голод и везде карточная система, везде убийства и бомбардировки, везде тысячи преступлений... война всегда война с шести до двадцати шести лет»⁹⁷.

В двадцатом веке появляется ядерное оружие, угрожающее самому существованию человеческого общества. И все это якобы является результатом рационального отношения к жизни, научной революции и прогрессистских концепций общественного развития, доминировавших в эпоху Просвещения. Вообще просветители для постмодернистов, как и для Ницше⁹⁸, являются против-

---

⁹⁷ Serres M. *Eclaircissements*. Paris, 1992. P. 10–11.

⁹⁸ Вот какую уничижительную критику Руссо дает Ницше: «Руссо, этот первый современный человек, идеалист и *capaille* в *одном* лице, которому нужно было моральное “достоинство”, чтобы выносить собственный вид; больной от разнузданного тщеславия и разнузданного самопрозрения. Также и этот выродок, растянувшийся у порога нового времени, хотел “возвращения к природе” — куда, спрашиваю еще раз, хотел Руссо назад? Я ненавижу Руссо и в революции: она есть всемирно-историческое выражение для этой двойственности и идеалиста и *capaille*. Кровавый фарс, которым разыгралась эта революция, ее “имморальность”, мало меня трогает: я ненавижу ее *моральность* в духе Руссо — так называемые “истины” революции, которые еще не утратили влияния и привлекают к ней все плоское и посредственное” (Ницше Ф. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 622).

никами № 1. Их обвиняют во всех современных бедствиях: их обвиняют в оптимистическом взгляде на развитие исторического процесса, в вере в бесконечный прогресс общества, в свободу и равенство, в принцип историзма, в науку, в необходимость изменения существующих социально-экономических и политических порядков, в чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и т.д. и т.п. Их обвиняют, потому что они были *рационалистами*.

Постмодернисты совершили «радикальный разрыв с Просвещением, с верой в бесконечный прогресс, который пропагандировал Кондорсе»⁹⁹. Один из виднейших американских постмодернистов Р. Рорти прямо заявляет в своей книге «Философия и Зеркало Природы»: «Эта книга представляет собой обзор развития последних философских исследований, особенно в области аналитической философии, с точки зрения антикартезианской и антикантианской революции ...Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к «уму» как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь «философский» взгляд, к «познанию» как к чему-то такому, о чем должна быть «теория» и что имеет «основания», а также к «философии» как она воспринималась со времен Канта»¹⁰⁰. Рорти считает, что рационалистическая философия заменила интеллектуалам религию, то есть в своего рода веру в философские высказывания и умозаключения.

---

⁹⁹ F. Dosse. Histoire du structuralisme. 1. Le champ du signe, 1945–1966. Paris. 1992. P. 412.

¹⁰⁰ Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. Новосибирск, 1997. С. 5.

Характерные черты постмодернизма: 1) *гиперкультурализм*: ревалоризация исторического (историцизма) и культурного (традиционализма) богатства и многообразия человечества, в котором постсовременный человек черпает свои силы и которое создает по своему усмотрению. В этом смысле модернизм есть только *одна* из традиций среди других. Постмодернизм имеет эклектический и релятивистский характер. Это смесь различных философских течений и мыслей. 2) *Отказ от иерархического характера различий*: все мифы, все истории, все культуры, все формы жизни имеют собственную ценность, и поэтому нет иерархизированных ценностей. Критика всякой власти, поскольку она якобы всегда имеет репрессивный характер. Постмодернизм имеет толерантный и скептический характер. 3) *Отказ от «важных вех» обоснования Западной цивилизации*. Постмодернизм отвергает иудео-христианскую историю, философию Гегеля, позитивизм, теорию общественного прогресса просветителей восемнадцатого века, социализм, марксистскую теорию, эволюционистские концепции, которые якобы претендовали на то, чтобы привести человечеству к светлому будущему¹⁰¹. В качестве модели общества постмодернисты предлагают современное американское общество.

Постмодернисты отвергают деление мировой истории на прошлое, настоящее и будущее. Это связано в основном с тем, что они отрицают какой-либо прогресс в движении человеческого общества. Как выразился Ф. Досс,

---

¹⁰¹ Hottois G. De la Renaissance a la Postmodernité. Paris, Bruxelles. 1998. P. 445–446.

с точки зрения постмодернистов, настоящее мыслится без развития. Настоящее представляется не как антиципация будущего, а как повторение одного и того же цикла.

М. Серр задается вопросом: что такое настоящее? Против тезиса о делении времени на прошлое, настоящее и будущее он выдвигает такой аргумент. Всякий предмет, сделанный руками человека, представляет собой комплекс многих идей, возникших в разное время. Возьмем современную модель автомобиля. Этот автомобиль есть продукт научно-технических идей различных эпох. Одна из его частей была изобретена в начале двадцатого века, другая двести лет назад, колеса были изобретены в эпоху неолита и т.д.¹⁰². То же самое, отмечает Серр, касается и духовных ценностей. Нельзя, например, сказать, что Платон не является нашим современником: ведь многие философские идеи Платона актуальны и в нашем обществе.

М. Серр прав в том, что любое изобретение имеет, так сказать, различные истоки, что свидетельствует о единстве человеческого общества. Но следует ли отсюда презентификация или, если можно так выразиться, «онастоящивание» всего человечества? Нет, конечно. Такое «онастоящивание» приводит к тому, что исторический процесс представляется как сплошной хаотический поток событий, фактов, технических изобретений, духовных ценностей и т.д., лишенный всякой имманентной логики. На самом деле, история имеет свою логику развития, свое прошлое, настоящее и будущее, которые качественно отличаются друг от друга, но вместе с тем

---

¹⁰² Serres M. Eclairissements. Paris, 1992. P. 72.

неразрывно связаны. Развитие истории носит континуистский, а не спорадический характер. Кроме того, полный разрыв с прошлым опасен для новых поколений. Когда-то Ортега-и-Гассет правильно писал, что разрыв с прошлым «таит в себе подозрение, более или менее, смутное, которое вызывает и смуту, столь характерную для сегодняшней жизни. Мы чувствуем, что мы как-то внезапно остались одни на земле; что мертвые не только не оставили нас, но исчезли совсем, навсегда, что они больше не могут помогать нам. Все остатки традиционного духа исчезли. Образцы, нормы, стандарты больше нам не служат. Мы обречены разрешать наши проблемы без содействия прошлого, будь то в искусстве, науке или политике»¹⁰³. Настоящее не есть ничто. Оно — небытие, но не ничто. Оно — результат прошедшего и указание на будущее. Оно связывает прошлое и будущее.

Постмодернисты предпочитают излагать свои мысли с помощью аналогии, а не строгих логических рассуждений. И порою не понятно, о чем идет речь, порою кажется, что это сплошной поток слов без логической оформленности. Вот пример из книги Ж. Делёза «Различие и повторение»: «Мысль, рождающаяся в мышлении, акт мышления, зарождающийся в генитальности не как врожденная данность и не как предполагаемое в припоминании — это мышления без образа»¹⁰⁴. Это не

---

¹⁰³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс, Хрестоматия, 2001. С. 211.

¹⁰⁴ Делёз Ж. Различие и повторение. М., Санкт-Петербург. 1998. С. 208.

только в русском переводе так звучат постмодернистские изречения. То же самое касается языка оригинала. И не случайно даже не все философы читают их труды.

Один из крупнейших представителей постмодернизма Ж.Ф. Лиотар пишет, что слово «постмодерн» «обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века»¹⁰⁵. Наука, продолжает он, стремится к познанию истины, и поэтому она должна разработать свои методы исследования или, как выражается, Лиотар, «правила игры». (Здесь уже видно, как легкомысленно постмодернисты относятся к научному аппарату. Вместо понятия «методы исследования» они придумали «правила игры», вместо «темы» — «сюжет» и т.д. Это жонглирование новыми словечками свидетельствует о том, что постмодернисты абсолютно несерьезно относятся к научным исследованиям, к традициям интеллектуального труда).

По мере перехода, пишет Лиотар, общества в постиндустриальное состояние меняется статус знания. Поскольку научное знание представляется как вид дискурса, в постиндустриальном обществе формы передачи научных знаний через языковые средства меняются. Так, с помощью компьютерной техники можно передавать различную научную информацию. Но отсюда следует, что меняется природа знания. Знания в постиндустриальную эпоху производятся не для того, чтобы их отправить в архив, а для того, чтобы продавать. Знания — это

---

¹⁰⁵ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998. С. 9.

деньги. Причем этими знаниями распоряжается не государство, а частные лица.

В постиндустриальном обществе, продолжает Лиотар, меняется роль обладателей знаниями. Если в индустриальном обществе все политические, экономические, социальные и иные проблемы решались властью имущими и собственниками, то в постиндустриальном обществе доминирующую роль играют уже специалисты. «Правящий класс есть и будет классом, который принимает решения. Но он уже образуется не традиционным политическим классом, а разнородным слоем, сформированным из руководителей предприятий, крупных функционеров, руководителей больших профессиональных организаций, профсоюзов, политических партий и религиозных конфессий»¹⁰⁶.

Нет сомнения в том, что Лиотар анализирует новые реалии, возникшие в современных развитых капиталистических странах. Действительно, современные информационные технологии, имеющие исключительно большое значение не только для экономической сферы, но и для всех сфер общественной жизни, создаются специалистами. И те государства, которые будут иметь в своем распоряжении таких высококлассных специалистов, будут добиваться наибольших успехов. Больше скажу, от наличия информационного пространства, включающего в себя не только технику и новейшие технологии, но и средства массовой коммуникации, во многом будет зависеть будущее тех или иных государств. На

---

¹⁰⁶ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998. С. 43.

примере слаборазвитых стран мы видим, что значит отсутствие такого информационного пространства. Но отсюда нужно делать не тот вывод, к которому пришли постмодернисты — переход властных функций от политиков и собственников к специалистам. Надо заметить, что об этом многие писали до постмодернистов. Достаточно для этого ознакомиться с работами крупного американского экономиста Дж. Гэлбрейта. В отличие от постмодернистов я прихожу к другому выводу: сферы общественной жизни структурно варианты, но функционально инвариантны. Скажем, в политике не советники как специалисты принимают решения, а политики, наделенные властными функциями. Другой вопрос, многим современным политикам нужны кукловоды, поскольку сами лишены интеллекта, и поэтому не в состоянии думать и анализировать политические реалии.

Постмодернисты отвергают понятия классической философии — *разум, абсолют, истина, прогресс, противоречия, дискуссия* и т.д. Вместо этих веками опробованных понятий и категорий они выдвигают понятия «деконструкция», «тело», «сюжет», «дискурс» и т.д., не несущие никакой смысловой и теоретической нагрузки, но зато звучащие оригинально.

Постмодернисты предлагают, скажем, урегулирование тех или иных конфликтов путем переговоров, консенсуса. Они выступают за толерантность и взаимное уважение. Здесь с ними нельзя не согласиться. Толерантность — это хорошо, консенсус — тоже хорошо, отсутствие конфликтов еще лучше. Но общество гораздо сложнее, чем это кажется постмодернистам. В нем дей-

ствуют люди, преследующие свои цели. Эти цели не всегда совпадают, более того, они нередко противоречат друг другу. Вообще противоречия — естественное состояние любого общества. Очень важно, чтобы они разрешались путем консенсуса и компромисса. Но для этого конфликтующие стороны должны идти на определенные уступки. Поэтому нужно призывать не просто к толерантности, а к тому, чтобы создавать такие условия, в которых все члены общества, а не только богатые могли бы проявлять свои физические и духовные потенции.

Постмодернисты (и не только они) отвергают диалектику. Причем нельзя не заметить, как правило, к диалектике негативно относятся те, кто не имеет базового философского образования и не знает историю философии, кто философские знания почерпал из популярных философских учебников. Вместо диалектики многие теперь предлагают **синергетику**.

Прежде всего, поговорим о диалектике. Напомним читателю, особенно молодому, что термин «диалектика» греческого происхождения и буквально означает вести диалог, беседу. Все произведения Платона написаны в форме диалога. Именно путем споров и бесед, считали античные философы, познается истина. «Состязание в речах», говоря словами Платона, борьба мнений и свобода критики составили ту духовную атмосферу, в которой родились греческая философия и наука, в частности диалектика, как искусство доказывать и опровергать какой-либо тезис»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁷ Кессиди Ф. Гераклит, Санкт-Петербург, 2004. С. 20.

Крупнейшим диалектиком античности был Гераклит. Его знаменитое изречение «в одну и ту же реку нельзя войти дважды» выражает один из важнейших принципов диалектики — принцип **развития и изменения**. И, как пишет Кессиди, «никто из мыслителей, живших до и после Гераклита, не выразил идею всеобщего движения и изменения столь впечатляюще и рельефно, как это сделал Гераклит»¹⁰⁸.

Особо следует подчеркнуть, что Гераклит исходил из единства и борьбы противоположностей. Жизнь и смерть, например, представляют собой противоположности, но они существуют в неразрывном единстве. «Признав в качестве основной характеристики бытия борьбу противоположностей, Гераклит в то же время в ряде афоризмов поясняет, что борющиеся противоположности не просто сосуществуют: они переходят одна в другую и переходят так, что при этом их переходе одной в другую сохраняется общая для обеих тождественная основа. Другими словами, переход противоположностей друг в друга Гераклит представляет вовсе не как такой, при котором возникающая новая противоположность уже не имеет ничего общего с той, из которой она возникла. Он представляет этот переход как такой, при котором всегда имеется в процессе перехода общая тождественная основа для самого перехода»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁸ Там же, С. 83.

¹⁰⁹ Асмус В.Ф. История античной философии. М., 1965. С. 29.

Гегель дальше развил учение о диалектике. Практически все его работы пронизаны духом диалектики. Многие, пишет Гегель, диалектику отождествляют со скептицизмом, представляющим собой не что иное, как простое отрицание. По мнению же других, диалектика есть не что иное, как искусственное нагромождение противоречий. В этой связи немецкий философ замечает, что действительно иной раз диалектика проявляется как субъективная игра, «которая по произволу выдвигает то доказательства, то опровержения — рассуждательство, в котором отсутствует содержание и пустота которого прикрывается остроумными соображениями. Однако в своей подлинной определенности диалектика, наоборот, есть собственно истинная природа определенных рассудка, вещей и конечного вообще...Диалектика есть, следовательно, движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки *имманентную связь и необходимость*, в котором вообще заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным»¹¹⁰.

Гегель настаивает на том, чтобы правильно представляли себе диалектическое познание, поскольку «оно является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в сфере действительности»¹¹¹. Оно есть душа любого истинного научного по-

---

¹¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, Т. 1, Наука логики, М., 1974. С. 205–206.

¹¹¹ Там же, С. 206.

знания. Он показывает, как нужно диалектически рассуждать. Известное предложение «человек смертен», отмечает Гегель, когда рассматривают недиалектически, то причину смерти ищут во внешних обстоятельствах. Получается так, что у человека два свойства: быть живым и быть смертным. А если анализировать диалектически, то у человека оказывается одно свойство, поскольку жизнь в себе уже носит зародыш смерти. Иначе говоря, жизнь — это и смерть. Если дальше расшифровать Гегеля, то можно сказать: человек живет и вместе с тем умирает. Ведь старение организма есть не что иное, как приближение смерти.

Гегель предупреждает, что нельзя путать диалектику с софистикой. Софисты выдвигают абстрактные суждения, абсолютизируют те или иные явления и делают неверные выводы. Гегель приводит такой пример: для того, чтобы жить, необходимо есть и пить. Но, абсолютизируя эту сторону человеческой жизни, можно придти к выводу, что индивид имеет право воровать или предавать родину во имя спасения своей жизни. Это чистейший софизм, сознательный обман. Диалектик в отличие от софиста рассматривает все явления вместе и во взаимной связи. Софистика — это казуистика, а диалектика — научно-исследовательский метод.

Гегель открыл три закона диалектики: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и наоборот и закон отрицания отрицания. Они являются всеобщими законами и действуют в природе, обществе и мышлении. Но Гегель-идеалист, как пишет Энгельс,

выводит их только из мышления, хотя нередко он приводит примеры из истории и природы, подтверждающие эти законы. Так, в «Феноменологии духа» Гегель приводит блестящий пример закона отрицания отрицания: «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого»¹¹²

Конспектируя «Науку логики» Гегеля, Ленин выделяет такие элементы диалектики: «1) **объективность** рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе). 2) вся совокупность многообразных **отношений** этой вещи к другим. 3) развитие этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь. 4) внутренне противоречивые **тенденции** (и ... стороны) в этой вещи. 5) вещь (явление etc.) как сумма ... и **единство противоположностей**. 6) **борьба** respective развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc. 7) соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность,

---

¹¹² Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая, Феноменология духа, М., 1959. С. 2.

суммирование этих частей вместе. 8) отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с **каждой**. 9) не только единство противоположностей, но и **переходы каждого** определения, качества, черты, стороны, свойства в **каждое** другое [в свою противоположность?]. 10) бесконечный процесс раскрытия новых сторон, отношений etc. 11) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т.д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности. 12) от сосуществования к каузальности и от одной формы связи к другой, более глубокой, более общей. 13) повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и 14) возврат к старому (отрицание отрицания). 15) борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания. 16) переход количества в качество и *vice versa*»¹¹³.

Даже если учитывать эти элементы, а богатство диалектики ими не исчерпывается, то можно добиться неплохих научных результатов.

Хочу прокомментировать некоторые элементы диалектики. Второй элемент предполагает учет всех отношений и связей одной вещи с другими. Иначе говоря, диалектика представляет собой учение о всеобщей связи предметов и явлений объективного мира. Если, скажем, мы хотим изучить современные политические проблемы, то должны учитывать экономические, духов-

---

¹¹³ Ленин В.И. Философские тетради, М., 1965. С. 202–203

ные, социальные, культурные, этнические, религиозные и другие реалии современного человечества. Только в этом случае мы можем получить подлинную картину политической жизни нашей эпохи. Сейчас, например, на всех уровнях говорят и пишут о терроризме как главной опасности для человечества. Но никто не рассматривает этот социальный феномен комплексно, то есть диалектически. Все ограничивается либо просто осуждением террора, либо чисто публицистическими рассуждениями. Поэтому нет ясного и четкого представления об этом историческом и вместе с тем современном явлении.

Возьмем третий элемент — принцип развития и изменения. Как уже выше отмечалось, этот принцип был выдвинут еще Гераклитом, но в наиболее развернутом виде он был представлен Гегелем. «Если мы, — писал он, — теперь бросим взгляд на всемирную историю вообще, то увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими...Общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является *изменение* вообще. Взгляд на развалины, сохранившиеся от прежнего великолепия, побуждает ближе рассмотреть это изменение с его отрицательной стороны. Какой путешественник при виде развалин Карфагена, Пальмиры, Персеполя, Рима не предавался размышлениям о тленности царств и людей и грусти о былой жизни, полной сил и богатой содержанием? Эта

грусть не вызвана личными потерями и непостоянством личных целей, но является бескорыстной грустью о гибели блестящей и культурной человеческой жизни. Но ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни, что из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь»¹¹⁴.

Для диалектики нет ничего раз и навсегда данного. Все изменяется и развивается. То, что сегодня считалось самым необходимым, завтра в новых условиях становится ненужным и мешающим развитию общества по восходящей линии. Одна из причин негативного отношения к диалектике заключается как раз в том, что она не оставляет надежды на вечное господство правящих классов. Не случайно Маркс подчеркивал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹¹⁵.

Ядро диалектики — единство противоположностей. Конечно, для постмодернистов и сторонников синергетики главное не противоречивое развитие общества,

---

¹¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории, Санкт-Петербург, 1993. С. 119–120.

¹¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т. 23. С. 22.

а консенсус. Но термин «консенсус» не есть философский термин. Это в лучшем случае понятие политологии. Но даже не это главное. А главное состоит в том, что трезвый, а не конъюнктурный взгляд на мир социальный показывает его противоречивость, связанная с противоположными интересами людей и социальных классов и государств. Это касается и нашей эпохи. Например, научное исследование современных глобализационных процессов, имеющих очень сложный и противоречивый характер, можно исследовать только с помощью диалектики. Кстати сказать, на Западе многие ученые, анализирующие проблемы глобализации, имплицитно или эксплицитно используют диалектический метод. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть работы У. Бека, Н. Хомского, М. Алле, Дж. Стиглица и др.

Теперь вернемся к синергетике. В России синергетика оказалась в центре внимания очень многих философов. Пишутся монографии, проводятся конференции, защищаются диссертации по синергетике.

Многие синергетику определяют как науку о сложных системах. Вот что пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов: «Наряду с понятиями «самоорганизация», «нелинейность», «открытость» и «хаос» синергетика концентрирует внимание на исследовании сложности. Синергетика есть познание и объяснение сложного, его природы, принципов организации и эволюции»¹¹⁶.

---

¹¹⁶ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетическое расширение антропного принципа // Синергетическая парадигма. Многообразие подходов. М., 2000. С. 64.

Конечно, я не против того, чтобы методы исследования общества совершенствовались, чтобы появлялись новые подходы к изучению социальных процессов и феноменов. Без этого нет развития науки. Но когда вводятся новые методы и новые категории, то надо аргументированно доказать неэффективность прежних методов и категорий. Сторонники же синергетического подхода к изучению общества не приводят серьезных аргументов в защиту этого подхода. Так, Дебердяева Т.Х. пишет, что «к концу XX в. обнаружилась ограниченность, присущая классической парадигме линейно-поступательного развития социума. Эволюционные изменения в мире характеризуются возрастающей нелинейностью, «неклассичностью» процесса трансформации социума и, как следствие, — изменениями и последствиями неожиданными, непредсказуемыми путем обычной экстраполяции или сопоставления с «классическими» образцами»¹¹⁷.

Этот тезис абсолютно неверен. Ни один философ, придерживающийся диалектических позиций, не может защищать так называемую линейность общественного развития. Очевидность многолинейного или полилинейного развития социума настолько бросается в глаза, что не требует особых доказательств. Мир социальный и природный очень сложен и было бы абсурдно

---

¹¹⁷ Дебердяева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, М., 2003. С. 3.

втиснуть его в какое-то монолинейное развитие. Что касается цикличности, то диалектика под цикличностью подразумевает не круговорот, а спиралевидное развитие, то есть (13 и 14 элементы) «повторение в высшей стадии известных черт, свойств, etc. низшей и возврат якобы к старому (отрицание отрицания)». Абсолютный возврат к старому исключается, но относительный возврат — необходимое звено во всей цепочке развития объективного мира.

Сторонники синергетики особый упор делают на принципы самоорганизации системы. Та же Дебердяева Т.Х. пишет: «Главным условием самоорганизации является наличие двух типов информации и энергии (из среды и в среду). Противоречивое единство входящего и исходящего потоков обуславливает формирование и развитие саморегулирующихся целостностей, характер канала эволюции»¹¹⁸. Какой постмодернистский язык!!! Как можно использовать такой стиль изложения сложнейших вопросов социальной философии? Бессмысленные термины «входящий и исходящий поток», «канал эволюции» звучат «революционно» в философии об обществе, но теоретической нагрузки никакой не несут.

Общество не есть просто самоорганизующаяся система. Общество есть исторически сложившаяся форма совместной деятельности людей по производству ма-

---

¹¹⁸ Дебердяева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, М., 2003. С. 16.

териальных и духовных ценностей. Деятельность людей носит целерациональный характер. Иначе говоря, каждый человек сознательно ставит перед собой определенные цели и стремится к их реализации.

Но совместная деятельность людей немислима без управления. Поэтому управление есть имманентная черта общества. Она онтологична, то есть бытие общества немисливо без управления. А управление предполагает наличие субъектов и объектов управления. Стабильность общества во многом определяется эффективностью управления, компетентностью и ответственностью субъектов управления. Поэтому наивно думать, что в обществе все само собой образуется, все самоорганизуется. История человечества свидетельствует о том, что по вине субъектов управления многие цивилизации погибли. Другой вопрос, что развитие общества носит естественнoисторический характер и нельзя волюнтаристски вмешиваться в это развитие.

Что касается природы, то здесь можно говорить о самоорганизации, но с определенными оговорками для современной эпохи. Ведь мы переживаем глубокий экологический кризис. В результате безжалостной эксплуатации природных ресурсов и интенсивной урбанизации природа уже не в состоянии самоорганизоваться, самовосстанавливаться. В этом ей должны помочь люди, иначе будущее человечества может оказаться под угрозой.

Синергетики отвергают необходимость, и все сводят к случайности и хаосу. Французский исследователь Д. Рюэль рассматривает проблемы случайности и хаоса в естественных науках. В целом он считает, что в

природе господствуют хаос и случайность, поэтому ничего нельзя заранее предсказать. Но, оказывается, и в обществе хаос и случайность господствуют. Конечно же детерминизму не находится место в этом хаотическом мире. «Практически несомненно то, что экономика и финансы обеспечивают примеры хаоса и непредсказуемого поведения (в техническом смысле слова). Однако сказать что-то еще сложно, потому что в данном случае у нас нет того типа тщательно контролируемых систем, с которым любят экспериментировать физики. Нельзя пренебрегать внешними событиями, которые экономисты называют нарушениями экономического равновесия»¹¹⁹. Автор понимает, что природные и экономические процессы не тождественны и, следовательно, не могут быть одинаково объяснены и тем не менее имплицитно он убежден в хаотичности и случайности социального мира, то есть общества.

Синергетики чем-то напоминают философов XVIII века, но с обратным знаком. Они в отличие от синергетиков отвергали случайность, и все редуцировали к необходимости. Они случайность сводили к незнанию причин тех или иных действий. Гольбах прямо пишет, что «словом *случай* были обозначены действия, которых мы не можем предвидеть или необходимой связи которых с их причинами не знаем»¹²⁰. Эти мысли

---

¹¹⁹ Рюэль Д. Случайность и хаос, перевод с французского, М., Ижевск. 2001. С. 83–84.

¹²⁰ Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах, Т. 1. М., 1963. С. 352.

он все время повторяет: «Необходимость есть постоянная и ненарушимая связь причин с их следствиями. Огонь необходимо зажигает горючие вещества, попадающие в сферу его действия. Человек необходимо желает того, что полезно или кажется полезным его благополучию. Природа во всех своих явлениях с необходимостью действует согласно свойственной ей сущности... В нас, как и в природе, ничто не происходит *случайно*, ибо случай, как мы это доказали, представляет собой лишенное смысла слово. Все, что происходит в нас или осуществляется нами, равно как и все, что происходит в природе или что мы ей приписываем, зависит от необходимых причин, которые действуют по необходимым законам и производят необходимые следствия, порождающие другие следствия»¹²¹.

Гегель, а затем Маркс и Энгельс показали неразрывное единство случайности и необходимости. Случайность есть проявление необходимости. Все в мире причинно обусловлено. Как случайность, так и необходимость причинно обусловлены.

В обществе действуют свои законы, показывающие направленность исторического развития. И если бы общество представляло собой хаотическое и случайное нагромождение совершенно разных событий и процессов, то оно давно прекратило бы свое существование. Очевидно, что в обществе со временем накапливаются противоречия, связанные с различными интересами групп, социальных классов, слоев, каст и т.д., и если

---

¹²¹ Там же, С. 99, 236.

они вовремя не разрешаются, то наступает кризис или на языке синергетиков хаос, что в конечном итоге приводит к гибели общества. Но общество — продукт взаимодействия людей и люди как существа разумные разрешают накопившиеся противоречия, корректируют поставленные перед собой задачи в зависимости от сложившейся конкретно исторической ситуации. Это не рассуждения в духе кантовской этики. Они базируются на изучении опыта истории человечества.

Синергетики редуцируют общественные процессы к природным процессам. Иными словами, они не видят качественной разницы между обществом и природой, хотя некоторые из них это понимают. Так, К. Майнцер пишет: «В социальных науках обычно проводится строгое разграничение между биологической эволюцией и историей человеческого общества. Причины такого разграничения заключаются в предположении о том, что развитие наций, рынков и культур происходит под влиянием интенционального поведения человека, т.е. решений, принимаемых на основе интенций, ценностей и т.д. С микроскопической точки зрения мы можем, конечно, наблюдать отдельных индивидов с их интенциями, убеждениями и т.д. Но с макроскопической точки зрения развитие наций, рынков и культур представляет собой нечто большее, чем сумма их составных частей. Как мы все знаем, монокаузальность в политике и истории есть ложный и опасный путь линейного мышления. Синергетику, по-видимому, можно рассматривать как стратегию, позволяющую успешно справиться со сложными системами даже в гуманитарных областях

знания. Ясно, что для междисциплинарного применения синергетики совершенно не обязательно сводить историю культуры к биологической эволюции»¹²².

Конечно, в обществе все нельзя сводить к намерениям отдельных личностей. Но, тем не менее, эти намерения обязательно следует учитывать не только на микроскопическом, но и на макроскопическом уровне. История культуры — это история людей, а не животных. У каждого человека есть свои интересы, которые не всегда совпадают с интересами группы, класса и в целом общества. Социум — более сложная система, чем любая природная система. В природе действуют слепые силы, а в обществе — разумные существа, поведение которых может измениться в любую минуту. Без учета интересов всех и каждого члена общества, без учета исторических традиций и ментальных особенностей народа невозможно создать какую-либо теоретическую модель об обществе. К. Майнцер правильно предостерегает против монокаузальности в политике и истории. Действительно, нельзя сводить к одной единственной причине те или иные политические или социальные события. Необходимо анализировать множество причин, породивших эти события. Но вместе с тем следует помнить, что есть менее глубокие и более глубокие причины исторических феноменов и процессов.

---

¹²² Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века // Синергетическая парадигма. Многообразие подходов. М. 2000. С. 67.

Я не специалист в области естествознания и поэтому не могу судить о результативности синергетического метода исследования в естественных науках. Судя по работам синергетиков, синергетический подход к изучению природных процессов является наиболее плодотворным методом, хотя вполне можно использовать и диалектику. Но что касается общества как целостной и сложной системы, то не синергетический, а **диалектический** метод представляет собой самый результативный и плодотворный метод. И какие бы изменения оно ни претерпевало, оно вполне будет поддаваться диалектическому изучению.

Нельзя не согласиться со сторонниками синергетики в том, что синергетика представляет собой междисциплинарную теорию, можно ее изучать и в рамках философии, но никак нельзя согласиться с тем, что синергетика представляет собой философский метод, который может заменить диалектический метод исследования объективного мира.

Как уже отмечалось, современное негативное отношение к диалектике, скорее всего, следует объяснить не тем, что она устарела, а тем, что она настаивает на изменении существующих общественных отношений. А этого не желают правящие классы и их философские адвокаты.

У постмодернистов отсутствует исторический взгляд на общество. Они в этом плане оказались на уровне французских просветителей XVIII века, которых они любят критиковать, но которые были людьми своей эпохи, когда еще не созрели необходимые условия для исторического подхода к социальным и природным

феноменам. Но сейчас, когда науки достигли колоссальных успехов, игнорировать принцип историзма означает шаг назад. Нельзя, скажем, писать о современной цивилизации без исторического подхода к анализу этого сложного социального феномена.

Постмодернисты отрицают классические средства исторического познания. Прежде всего, они отвергают объективный характер исторического прошлого, представляют его как искусственную конструкцию с помощью языка. «...Постмодернистская парадигма, которая прежде всего захватила господствующие позиции в современном литературоведении, распространив свое влияние на все сферы гуманитарного знания, поставила под сомнение «священных коров» историографии: 1) само понятие об исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой); 2) критерии достоверности источника (размыв границы между фактом и вымыслом) и, наконец, 3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине...»¹²³. Эти «священные коровы» являются ничем иным, как фундаментальными методологическими принципами исторического познания.

Постмодернисты понимают трудности социального, в том числе исторического познания, связанные, прежде всего с самим объектом познания, т.е. с обще-

---

¹²³ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Ж. Одиссей. 1996. С. 26.

ством. В социально-историческом познании наиболее рельефно проявляются мировоззренческие позиции исследователей, изучающих деятельность людей, имеющих собственные интересы, цели и намерения. Волей-неволей обществоведы, особенно историки, приносят в исследования свои симпатии и антипатии, что в какой-то степени искажает реальную социальную картину. Но нельзя на этом основании все гуманитарные науки превратить в дискурс, в словесную эквилибристику, в лингвистические схемы, не имеющие ничего общего с социальной реальностью. «Текст историка, — утверждают постмодернисты, — это повествовательный дискурс, нарратив, подчиняющийся тем же правилам риторики, которые обнаруживаются в художественной литературе... Но если писатель или поэт свободно играет смыслами, прибегает к художественным коллажам, позволяет себе произвольно сближать и смещать разные эпохи и тексты, то историк работает с историческим источником, и его построения никак не могут полностью отвлечься от некоторой данности, не выдуманной им, но обязывающей его предложить по возможности точную и глубокую ее интерпретацию»¹²⁴.

Сегодня, утверждает Серр, нельзя употреблять понятия «ложь» или «истина». Сегодня нужно говорить: это уже прошло, это уже устарело. Беллетристика ничем не отличается от исторических исследований. Серр категорически отвергает само деление «беллетристика»

---

¹²⁴ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Ж. Одиссей. 1996. С. 7.

и «наука». Он обвинил просветителей в том, что они якобы все, что не соответствовало научным данным, объявляли иррациональным. «Выступая против деления «беллетристика и наука», продолжаю читать одновременно Плутарха и физиков...»¹²⁵.

Но Серр бьет мимо цели. Никто не запрещает читать ни Плутарха, ни Дюма, ни Гюго, ни Пушкина, ни Толстого, изобразивших в своих произведениях исторические персонажи и исторические факты. Напротив, выдающиеся художники слова обогащают наши знания о прошлом, помогают нам глубже проникнуть в сущность исследуемой эпохи, чтобы составить более или менее верную картину исторической действительности. Если мы изучаем деятельность Александра Македонского, то, конечно, мы должны прочесть замечательную биографию Александра, написанную Плутархом. Кстати, Плутарх может быть использован как исторический источник, поскольку он приводит много исторических фактов, которые не всегда можно найти в других источниках. Но Плутарх жил в начале нашей эры, когда еще историческая наука не располагала современными средствами познания и исследования исторического прошлого. Берем более близкие нам исторические события. Возьмем, например, роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Толстой как художник изображает порою исторических личностей через призму собственного видения и собственного отношения к этим личностям. Для этого он использует вымысел, без чего невозможно ни одно художественное

---

¹²⁵ Serres M. Eclaircissements, Paris, 1992. P. 79.

произведение. Разумеется, те высказывания, которые Толстой приписывает, скажем, Наполеону I или Александру I, являются плодом творчества писателя, а не историческими источниками. И вообще надо сказать, что нельзя изучать Бородинскую битву с помощью даже такого великого произведения, как «Война и мир» Толстого. И не надо упрекать, как это делает известный русский критик П.А. Вяземский, величайшего романиста в том, что он исказил историческую картину. «Книга «Война и мир», — пишет П.А. Вяземский, — за исключением романической части, не подлежащей ныне моему разбору, есть, по крайнему разумению моему, протест против 1812 года, есть апелляция на мнение, установившееся о нем в народной памяти и по изустным преданиям, и на авторитет русских историков этой эпохи»¹²⁶. Если на «Войну и мир» смотреть как на исторический труд, то П.А. Вяземский прав. Но на самом деле он не прав, потому что, как известно, «Война и мир» есть не исторический труд, а замечательное художественное произведение, посвященное интереснейшим событиям первой половины XIX века, хотя по логике постмодернистов и «Война и мир», и другие художественные произведения, изображающие Бородинское сражение, представляют собой такие же исторические труды, как например, исторические исследования Соловьева или Ключевского.

Эра постмодерна — это эра пустоты, мещанства и наслаждения. Но чтобы, скажем, наслаждаться ис-

---

¹²⁶ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 265.

кусством, надо его превратить в псевдоискусство. Наслаждаться классической музыкой — великое дело. Она обогащает духовный мир человека, делает его добродетельным и гуманным. Но наслаждение классической музыкой требует музыкальной подготовки, усидчивости и самодисциплины. Не каждый человек может и хочет готовить себя к тому, чтобы слушать музыку великих творцов культуры. Это особенно касается молодежи. В силу своего возраста молодые люди в большинстве своем предпочитают классической музыке легкую, которую можно и не слушать, но под которую можно танцевать или петь. Постмодернизм, отрицающий иерархию ценностей, как раз и внушает молодежи, что поп-музыка и есть тот вид искусства, который приносит наибольшее наслаждение. Причем в отличие от классической музыки поп-музыка, особенно в ее современном виде, не требует никаких усилий от слушателя. Ее можно слушать в любом месте и в любое время. Она не обогащает человека духовно, но этого и не требуется. Главное — наслаждение, а не духовное обогащение.

Исполнители поп-музыки (эстрадные артисты) являются, кроме неудачников, состоятельными людьми. Их концерты посещают миллионы людей, чья музыкальная подготовка, как правило, равняется нулю. Они ходят на концерты для того, чтобы отдохнуть, а не духовно обогатиться. Зрители постмодернистского искусства превращены в толпу. Они, например, не вникают в содержание песен. Главное для них подергивания поп-певцов, так называемые сценические танцы и, конечно, шумная музыка. В зрительном зале благодаря спецэффектам со-

здается атмосфера праздничная, а не атмосфера обогащения субъективного мира человека. Думающая публика превращена в праздную публику, которой все равно, что смотреть и что слушать, лишь бы было весело.

Эпоха постмодерна есть эпоха без идеалов, без моральных принципов и норм, без будущего, без социального прогресса и без социальной ответственности, эпоха без геройства, эпоха равнодушного отношения к чужой боли. Сотни миллионов людей живут в нищете, уничтожают чужие города и культуры, убивают ни в чем не повинных людей, но обывателю до этого нет дела. Ему нужно наслаждаться жизнью, а не думать об окружающих, о тех, кто влачит жалкое существование. В эпоху модерна, то есть в прошлом, была вера в будущее, в науку и технику, в разум и в революционные изменения. В отличие от прошлого «общество постмодерна есть общество, в котором царствует безразличие масс, в котором доминируют повторение и топтание на месте, в котором личная независимость превыше всего, в котором не видят разницы между новым и старым, в котором всякое нововведение опошляется, а будущее не уподобляется неизбежному прогрессу»¹²⁷.

Постмодерн — это эра индивидуализма, нарциссизма и неолиберализма. Сегодня индивидуальные желания более предпочтительны, чем групповые и классовые интересы, более предпочтительна приватизация, чем коллективная деятельность, гедонизм больше при-

---

¹²⁷ Lipovetsky G. L'Ère du vide. Essais sur l'individualisme contemporain, Paris, 1983. P. 11.

ветствуется, чем формы совместных действий. Если в прошлые времена индивид обязан был подчиняться общим коллективным рациональным правилам поведения, то нынче эти правила отвергаются и примат отводится личной свободе. Иначе говоря, права человека возводятся в абсолют и совершенно игнорируются коллективные формы человеческого существования. На первый взгляд личная свобода действительно превышает всего. На самом деле это неверно. Человек становится человеком только в обществе и свои сущностные силы тоже может проявлять только в обществе. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

В эру постмодерна происходит переоценка ценностей. Если в эпоху модерна такие моральные ценности, как порядочность, героизм, любовь к труду, целомудрие, гуманность и др. высоко ценились людьми, то в эпоху постмодерна они потеряли свою значимость. Ныне героизм никого не трогает (молодые люди не выражают особого восторга, когда им рассказывают о героях Великой Отечественной войны), труд как созидание презирается (как показывают социологические опросы, на Западе миллионы людей не хотят работать, они предпочитают труду наслаждение и впустую проводить время, неслучайно западные правительства официально приглашают рабочих из развивающихся стран), порядочность воспринимается как неудача, целомудрие представляется как комплекс неполноценности, продается естественная красота человека, а обладатель этой красоты становится богатым и уважаемым человеком, творцы же подлинных ценностей могут оказаться в маргина-

лах. Теперь пропагандируются антиценности: алчность, стремление к беспредельному богатству, неуважение к униженным и оскорбленным, проституция, гомосексуализм, наглость и т.д. и т.п. Взяточники, воры, убийцы, словом, преступники всех мастей превращены в героев. Их показывают на всех телеканалах. О них пишут газеты, журналы и т.д. Молодое поколение подражает не подлинным героям, а мнимым.

Человек эпохи постмодернизма — это массовый человек, характерной чертой которого является полная потеря своей индивидуальности. Массовый человек не есть личность. Всякая личность индивидуальна и оригинальна. У нее есть свои убеждения, свои принципы и она их готова защищать, порою даже ценою жизни. У нее есть свой кодекс поведения. У нее критическое мышление и не поддается влиянию дешевых произведений духовной культуры. Многие личности становятся выдающимися благодаря своим достижениям и своему вкладу в ту или иную сферу общественной жизни. Массовый человек — это серый человек, лишенный подлинного интеллекта, не желающий обогащать свой духовный мир. Он не желает читать серьезную литературу, слушать серьезную музыку. Он слушает поп-музыку, ходит на концерты поп-певцов, прыгает вместе с ними и подпевает им. Он глубоко уверен в том, что принимает активное участие в культуре и поднимает свой уровень культуры. На самом деле он опускается все ниже и ниже и в конечном итоге превращается в конформиста и обывателя. «Размытость сознания массового человека и новое его переструктурирование, заданность специальной интегри-

рующей «сборки» приводит к утрате способности критического мышления, к управляемости через формируемое посредством СМИ настроения. Бессвязность мышления и фрагментарность модели мира, складывающейся у него, позволяет навязать ему систему мифов, по которым человек будет выстраивать свою реальную жизнь и оценивать ее»¹²⁸. Благодаря этой системе мифов массового человека можно использовать в любых целях.

Эпоха постмодернизма — эпоха распущенности и разврата, эпоха проституции и гомосексуализма. Проституция — это раздвоение личности. Проститутка отделяет свое тело от сознания и продает его. Причем эту сделку проститутка называет работой. Проституция — это психическое разложение личности. Но тем не менее в «свободном обществе» она фактически узаконена. Возьмем гомосексуализм. Он противоречит законам природы. Ведь в природе нет однополый любви. Половые отношения носят гетерогенный характер. Благодаря этой гетерогенности продолжается жизнь в природе. То же самое касается общества. Если бы не было гетерогенной любви, то человеческий род давно бы прекратил свое существование. Поэтому гомосексуализм не только аморален, но и противоречит законам природы. Гомосексуализм есть патология, а не здоровое состояние человека. Но в эпоху постмодерна это отвратительное явление не

---

¹²⁸ Самохвалова В.И. Массовый человек — реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство, «За» и «Против», М., 2003. С.125.

только не получает морального осуждения, но и юридически закрепляется. Во многих западных (постмодернистских) государствах законом разрешены гомосексуальные семьи. Это в конечном итоге приводит к деградации семьи и к депопуляции общества.

Могут возразить, что гомосексуализм имел место и в эпоху модерна. Это действительно так. Но он получал моральное осуждение и юридически нигде не оправдывался. Сейчас гомосексуалистов даже политики используют в своих политических целях, особенно во время избирательных кампаний.

Сегодня духовная сфера представляет собой самое грандиозное Шоу, Спектакль. Сегодняшняя ситуация чем-то напоминает эпоху падения Римской империи. Римляне, как и их современные потомки, Труду предпочли Игры, Зрелища. В Риме устраивались огромные зрелища, игры. Римский император Траян устроил игры, которые продолжались 122 дня. В них было убито 11 000 человек и 10 000 животных. Не отставали от Траяна и другие императоры. Так, в играх, организованных императором Филиппом, было убито 1000 пар гладиаторов, 32 слона, 10 тигров, 60 львов, 30 леопардов, 10 гиен, 10 жирафов, 20 диких ослов, 40 диких лошадей, 10 зебр, 6 бегемотов и 1 носорог¹²⁹. Римляне к ним настолько привыкли, что они не представляли своей жизни без этих Шоу. Целыми неделями они готовились к этим играм, потом их обсуждали тоже неде-

---

¹²⁹ См. Даниэль П. Манникс. Идущие на смерть, М., 1994. С. 136.

лями. Так римские правители отвлекали людей от настоящих проблем. Римляне по существу превратились в толпу, которая, кроме зрелищ, ничего не признает. Конец Римской империи известен. Если человечество не перестанет играть в шоу, то его конец тоже легко можно предсказать. Причем это будет не просто конец человечества, а конец земной, уникальной, цивилизации.

В сфере политики эпоха постмодерна проявляется в псевдодемократичности политики. Политики стараются, особенно во время избирательных кампаний, быть скромными и сердечными, доступными и улыбающимися. Они выдают себя за людей, день и ночь думающих о народе, о его благополучии и безопасности. Этого хочет услышать и сам избиратель. Поэтому «надо осыпать его самой нелепой лестью и, не стесняясь, давать ему самые фантастические обещания. Если это рабочий, то надо льстить ему, браня его хозяина; что же касается соперника-кандидата, то надо стараться уничтожить его, распространяя о нем посредством утверждения, повторения и заразы мнение, что он последний из негодяев и что всем известно, как много он совершил преступлений. Незачем, конечно, искать в данном случае чего-нибудь даже похожее на доказательства. Если противник мало знаком с психологией толпы, он станет оправдываться с помощью аргументов, вместо того чтобы отвечать на утверждения противоположными утверждениями, и конечно, таким образом лишится всяких шансов на успех»¹³⁰.

---

¹³⁰ Лебон Г. Психологи масс // Психологи масс, Хрестоматия, М., 2001. С. 109.

В формировании современного имиджа политиков решающая роль принадлежит средствам массовой информации и прежде всего телевидению. В сущности, телевидение занимает ведущее место в избирательной кампании. Если политик обладает огромными финансовыми возможностями, то нет сомнения в том, что он одержит победу над своими оппонентами. Но огромные финансы политику предоставляют различного рода корпорации, которым, кстати, принадлежат многочисленные телевизионные каналы и вообще все СМИ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что постмодернистские политики, хотя публично клянутся в том, что защищают интересы всех людей, на самом деле защищают интересы богатейших и влиятельных граждан. Как пишет американский писатель и публицист В. Гор, в США президент и его администрация обслуживают «один процент граждан, владеющих страной, предоставляя всем остальным выплывать как могут»¹³¹.

Эпоха постмодернизма — это эпоха охлократии, то есть власти толпы. Современные выборы в органы правления — яркое проявление охлократии. Вообще надо сказать, что проблема охлократии возникла не сегодня и даже не вчера. Она возникла еще в античную эпоху и ставилась многими древнегреческими философами. Так, Платон охлократию связывает с демократией, когда господствует принцип вседозволенности, что на первый взгляд следует оценить положительно, ибо

---

¹³¹ Гор В. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. М., 2003. С. 15.

он дает человеку возможность делать то, что ему хочется. Необязательно принимать участие в государственных делах, необязательно и подчиняться, необязательно и воевать. Однако первое впечатление обманчиво, так как появляется презрение к тому, что важно для идеального государства. Платон убежден в том, что демократическая форма правления неэффективна. Она уравнивает равных и неравных. Государственные должности занимают не те, кто этого заслужил, а те, кто понравился охлосу (толпе). Человек демократического строя наследует все отрицательные черты этого строя: стремление к наслаждению, пустая трата денег, неуважение законов, старших и т.д.

Аристотель, рассматривая формы государственного устройства, выделяет такие виды демократии. Первый вид демократии связан с равенством, предполагающим равные права как для богатых, так и для бедных. Народ составляет большинство, и его голос имеет решающее значение. Второй вид демократии предполагает невысокий имущественный ценз. Тот, кто имеет такой ценз, получает доступ к занятию должностей, кто теряет ценз, лишается права занять такую должность. Третий вид демократии исходит из того, что все граждане по происхождению являются гражданами, а властвует закон. Четвертый вид демократии — это такая демократия, когда любой гражданин имеет право занимать должность, хотя властвует опять-таки закон. Пятый вид демократии предполагает предыдущие условия, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. В данном случае решающее слово принадлежит народу, который благо-

даря демагогии добивается своего. Там, где властвует закон, демагогам нет места. Этот, пятый вид демократии, по Аристотелю, напоминает тиранию. «... И крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что и в тирании распоряжения»¹³². Такая демократия отвергается Аристотелем. Он ее не считает демократией, поскольку никакое постановление не может иметь общего характера. Он твердо убежден в том, что «закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов»¹³³.

И все же античная демократия представляла качественный скачок в развитии политических институтов. В Афинах эпохи Перикла была развитая рабовладельческая демократия, суть которой выразил Перикл так: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к

---

¹³² Аристотель. Соч. Т. 4. С. 497.

¹³³ Там же. С. 497.

определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству»¹³⁴.

Исключительное значение в греческой демократии придавалось слову «пайдея», которое обозначает и воспитание, и обучение, и культуру, и просвещение и т.д. Это довольно емкое слово, которое в ту далекую эпоху широко использовалось в духовной жизни греков. И «греческая демократия определила сущность греческой пайдеи, главную особенность греческой культуры — идею о главенстве человеческого разума, принцип разумного миропонимания и представления о Прометеевом (творческом) назначении человека. **Открытие человека — идея о гражданине полиса как самостоятельной ценности, признание за ним права на инициативу, вера в то, что свободный человек в состоянии сделать правильный выбор, доверие к разуму человека и его свободе — вот что является важнейшим достижением греческой культуры, достижением, определившим ее всемирно-историческое значение**»¹³⁵.

Доверие к человеческому разуму в сфере демократии приводит к политическому рационализму. Все, кто участвовал в политических дебатах, должны были

---

¹³⁴ Фукидид. История. М., 1981. С. 106.

¹³⁵ Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. Санкт-Петербург, 2003. С. 30–31.

обосновать свои аргументы, придать им, так сказать, доказательный характер. Иначе говоря, надо было убеждать своих слушателей с помощью аргументов и фактов. Можно сказать, что характерная черта античной демократии — **убеждение**. Античные ораторы убеждали своих слушателей, приводили соответствующие аргументы в защиту своих позиций. А убеждение, естественно, связано с рационализмом. Поэтому античная демократия — это рационалистическая демократия. И философия античности — это рационалистическая философия. Видимо, можно было бы сказать, что без политического рационализма не было бы философского рационализма.

Но если в античную эпоху демократия имела определенные изъяны, то в наше, **постмодернистское**, время она просто-напросто выродилась и превратилась в охлократию. Народ превратился в электорат, а электорат в толпу. Она использует не метод убеждения, а метод **внушения**. Обращаются не к разуму человека, а к его низменным инстинктам, к его чувствам. С этой целью политтехнологи разрабатывают различные сценарии избирательной кампании: привлечение артистов, особенно эстрадных певцов, создание «народного» имиджа кандидата во властные структуры, либеральную или патриотическую демагогию в зависимости аудитории. Избиратели, превращенные в иррациональную толпу, обращают внимание не на программы и не на реальные дела кандидатов, а на их телегеничность, улыбку, походку и т.д. и т.п. Те кандидаты, которые преуспевают в этом шоу, попадают в органы власти. К слову сказать, ни один великий политик прошлого, не попал бы

во власть, потому что он не смог бы конкурировать с современными краснобаями.

Всеобщее избирательное право на поверхности выглядит как огромный шаг вперед по демократизации политических институтов и учреждений. В самом деле, в отличие от прошлых времен все граждане независимо от их социального статуса, половых и расовых различий принимают участие в выборах различных органов власти. Каждый гражданин может быть избран в органы государственной власти (кому не хочется стать президентом, министром, депутатом, мэром и т.д.? Кому не хочется, чтобы его почитали, обслуживали, чтобы он ездил с охраной, в конце концов, чтобы он попал в анналы истории?). Каждый гражданин чувствует себя соучастником политических событий.

Но на уровне сущности все гораздо сложнее. Политика — очень сложная сфера общественной жизни. Политика, как писал М. Вебер, — это призвание и профессия. Причем эта профессия не менее сложна, чем, скажем, профессия врача, учителя, летчика, космонавта и т.д. Для того чтобы заниматься политикой, надо иметь политический талант. Нельзя стать великим или просто выдающимся поэтом без поэтического таланта. Можно быть великим философом, математиком, физиком и т.д., но абсолютно плохим политиком. Можно человека научить политическим технологиям, но нельзя его научить управлять государством. Политический дар — это особый вид дара, который не всем дан.

Политика — это колоссальная ответственность за судьбы миллионов людей, за будущее государства,

за будущее всей мировой цивилизации. И подлинный политик чувствует эту ответственность. Как бы ни относились к монархам, но подавляющее большинство из них понимало свою ответственность и принимало ответственные решения.

Современная демократия — мифологема. Демократия в настоящее время есть такой же миф, как, например, свобода, равенство и братство. Она носит классовый характер и будет всегда классовой. Вспомним Гоббса: «Я не сомневаюсь в том, что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила бы чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»¹³⁶.

Абсурдно думать, что, скажем в США, президент и конгрессмены, избранные демократическим путем, будут в первую очередь защищать интересы обездоленных людей. О них они думают постольку, поскольку, во-первых, нужны их голоса и, во-вторых, они могут вызвать огромный социальный взрыв. Люди голосуют время от времени. Выборы проходят и об избирателях забывают. Вообще современные выборы превратились в шоу, в обман и надувательство граждан. Средства массовой информации, особенно телевидение, любого, имеющего большие финансовые возможности, могут так

---

¹³⁶ Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2. С. 133.

раскрутить, что граждане за него будут голосовать. Подкуп, обман, коррупция, предательство, демагогия, популизм — вот далеко не полный перечень составляющих современных выборов. Люди голосуют не за те или иные программы, не за те или иные идеи, не за те или иные ценности, а за того или иного человека. Словом, власть персонифицирована. Людям нравятся не идеи, а кандидат на должность. Он должен быть телегеничным, краснобаем, готовым в любую минуту рассмешить людей, т.е. своих избирателей. Короче, он должен вести себя как рубаха-парень, и тогда у него есть шансы выиграть выборы. Человек, отдавший свой голос за того или иного политика, чувствует себя одиноко как в самых демократических государствах, так и в диктаторских. Если у него нет капитала, работы, жилья, то он обречен и ему безразлична всякая демократия.

Демократия, если даже ее считать наиболее оптимальной формой государственного правления, не готовое состояние, а длительный и мучительный процесс. И, возможно, многие государства останутся за рамками демократических институтов, хотя в потенции они могут стать демократическими. Но одно дело в потенции, совсем другое — в действительности. Нельзя не вспомнить в этой связи Гегеля: «Возможно, — писал он, — что сегодня вечером упадет луна на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому также упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он человек и может как таковой обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником

и т.д. В этих разговорах о возможности преимущественно используется закон достаточного основания, применяемый вышеуказанным нами способом — утверждают: возможно то, в пользу чего можно найти основание. Чем необразованнее человек, тем менее известны ему определенные отношения предметов, которые он намерен рассматривать, тем больше он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных»¹³⁷. Не всем народам нравятся демократические формы правления. У них исторически сложились свои представления о политике, свои формы правления, которые довольно эффективно работают. Поэтому не надо им навязывать западные политические структуры.

Демократия, как уже выше отмечалось, базируется на всеобщем избирательном праве, согласно которому каждый гражданин имеет право принимать участие в выборах и голосовать за того кандидата, программа которого ему больше всех импонирует и реализация которой в случае избрания этого кандидата может улучшить его жизненные условия. Но это в свою очередь связано, во-первых, с уровнем политического сознания общества в целом и каждого его члена в отдельности, во-вторых, с получаемой информацией. А эту информацию подают современные средства массовой информации (СМИ).

---

¹³⁷ Гегель. Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. 1979. С. 316.

Давно известно, что СМИ представляют четвертую власть, что от них очень многое зависит в политике. Это понимал еще Наполеон, когда из 73 газет, издававшихся в Париже, было закрыто вначале 60, потом еще 9. Но особенно важна роль СМИ в наше время, когда благодаря научно-технической революции они получили огромные возможности формировать общественное мнение и оказывать решающее влияние на политическую жизнь. Сегодня можно смело сказать, что тот, кто контролирует СМИ, контролирует все общество, контролирует воззрения людей, их поведение и поступки. Вот почему все политики так упорно цепляются за СМИ и особенно за телевидение.

Выигрывает выборы тот, кто распоряжается СМИ, а ими распоряжаются те, кто их финансирует, платит за эфирное время. А деньги имеют буржуазные партии, так как они защищают интересы богатых людей. Они скупают не только СМИ, но и головы избирателей. Последним дают деньги, организуют для них бесплатные обеды и т.д. Короче, во время избирательной кампании используются все способы, в том числе самые грязные.

После окончания выборов избиратели полностью исключаются из политической жизни. Правительство и депутаты могут теперь чувствовать себя спокойно. Они время от времени устраивают пресс-конференции, информируют в нужном им духе журналистов, но никаких отчетов о своей работе не делают. Избиратель же остается наедине со своими проблемами. Ему некуда обратиться, он отчужден от власти и не может влиять на ее

решения. Избиратель сделал свое дело и теперь может спокойно умереть или ждать следующих выборов. Но и они ему ничего не принесут, потому что вновь избранные депутаты, как и их предшественники, о нем забудут. И так происходит после всех выборов. Таково действительное лицо современной западной демократии. И как ни вспомнить меткую характеристику демократии, данную Н.А. Бердяевым: «... Демократия знает только формальный принцип волеизъявления, которым дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинить. Демократия безразлична к направлению и содержанию народной воли и не имеет в себе никаких критериев для определения истинности или ложности направления, в котором изъясняется народная воля... Демократия не знает истины, и потому она предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов»¹³⁸. А большинство голосов не есть критерий истины.

Вот это **большинство** и есть **охлос** (толпа). Его легко используют политические демагоги со времен античности. В настоящее время, когда обращение к всеобщему избирательному праву превратилось в единственный критерий достижения всех политических целей, используется толпа. О роли этой толпы писали многие исследователи. Французский ученый Г. Лебон дал довольно интересную характеристику толпы. «Под словом «толпа», — пишет он, — подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и како-

---

¹³⁸ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М. 1991. С. 63.

вы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание»¹³⁹. Но, продолжает Лебон, в соответствующих условиях толпа с точки зрения психологии получает совершенно другую окраску. Толпа превращается в нечто иррациональное, бессознательное скопление людей. Толпа — это сборище людей без индивидуальных черт.

Лебон выделяет некоторые общие черты толпы: **одухотворенность, заразительность, внушаемость**. В толпе индивиды теряют свои отличительные черты, то есть свою индивидуальность. В ней исчезают социальные, профессиональные и образовательные различия людей. Все — члены толпы. Все они воодушевляются некоей общей идеей, и их поведение приобретает иррационально-коллективистский характер. Одухотворенная толпа готова на любые сиюминутные действия. Она совершенно не думает о последствиях своих действий. Толпа может играть как положительную, так и отрицательную роль в зависимости от преследуемых целей ее лидеров.

Толпа может появиться на улице, но может вообще никуда не выходить и оставаться толпой. Электорат, например, сидит дома, но на выборах ведет себя как настоящая толпа. Он голосует не разумом, а сердцем, а иной раз и глазом. Увидел, допустим, кандидата в органы власти. Он внешне понравился ему и отдает

---

¹³⁹ Лебон Г. Психологи масс // Психологи масс, Хрестоматия, М., 2001. С. 11. Хочу заметить, что понятие толпы Лебон слишком широко истолковывает. Так, к толпе он относит социальные классы, секты, касты и т.д. На мой взгляд, такое использование данного понятия неправомерно.

свой голос за него. Его не волнует не только судьба страны, но и собственная судьба. Он ведет себя не как **homo sapiens** (человек разумный), а как **homo suggéré** (человек внушаемый), которому легко можно внушить все что угодно. Ему легко можно внушить, что данный кандидат на президентский пост идеально выражает его интересы. Ему можно внушить, что данное государство представляет собой угрозу для его жизни. Американцам, например, внушили, что Ирак обладает оружием массового уничтожения и что поэтому надо свергнуть С. Хусейна. После оккупации Ирака официальные круги США признали, что никакого оружия массового уничтожения в Ираке не было и нет. Но игра была сделана и американский обыватель теперь сам же страдает из-за своих иррациональных поступков. Сейчас народам всей земли внушают мысль о том, что терроризм для них является самым опасным врагом. Из дня в день с утра до вечера СМИ и прежде всего телевидение говорят о том, что везде совершаются террористические акты. И народы этому верят. При этом абсолютно игнорируются причины совершения террористических актов. Главное — следствие, а не причина. И люди не задаются вопросом, почему совершаются теракты, потому что они уже не воспринимают объяснения. Они зомбированы и поступают иррационально. Они — **охлос**, а охлос иррационален.

Постмодернист Ж. Бодрийар вместо понятия «толпа» использует понятие «масса». Он пишет, что в современном мире все крутится вокруг массы. Она представляет собой некое молчаливое большинство, кото-

рое время от времени проявляет свою активность и которая используется в политических целях. Политики постоянно говорят о необходимости просвещения массы, ее информирования, для чего используются СМИ. «В этих призывах, — справедливо замечает Бодрийяр, — однако, нет никакого толка — рациональная коммуникация и массы несовместимы. Массам преподносится смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удалось никакими усилиями. Массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковойостью. Массы — это те, кто ослеплен игрой символов и поработан стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным»¹⁴⁰. Массы, продолжает Бодрийяр, больше интересуются, скажем, победой национальной сборной по футболу на чемпионате мира, чем каким-нибудь событием, имеющим непосредственное значение для их будущего.

Прав Бодрийяр, когда подчеркивает, что массы не ориентированы на высшие цели. Но он совершенно не прав, когда утверждает, что их никто не вводит в заблуждение. Их как раз вводят в заблуждение современные политики, защищающие интересы господствующего класса, но выдающие эти интересы за интересы всех масс. Для этого используются все методы современных политических технологий: зомбирование, подкуп, обман, провокации и т.д. и т.п. Народ превращен в массу или

---

¹⁴⁰ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 14–15.

толпу, которой манипулируют по своему усмотрению. Вот это и есть современная демократия или охлократия.

Продолжая анализ роли охлоса в современной политике, нельзя не заметить, что этому охлосу нравятся не умные и интеллектуальные политики, умеющие оценивать ситуацию спокойно и рассудительно, принимающие исключительно ответственно решения, а краснобаи и болтуны, любящие красоваться перед телекамерами и бойко отвечающие на любые глупые вопросы журналистов. Я уже выше отмечал, что ни один великий политик в прошлом не смог бы выиграть выборы даже у самого неумного, но болтливой политика. Охлос во многом виноват в приходе к власти фашистов в Италии и Германии. О культуре Гитлера много известно, меньше знают о культуре Муссолини. Вот что пишет Р. Колье о культуре Муссолини: «Вознесенный между небом и землей, как его охарактеризовал Папа Пий XI, он стал объектом паломничества. Некий старец прошел пешком с тачкой семьсот километров к месту ранения Муссолини во время войны, чтобы привести ему бочонок воды из реки Пьяв. А двенадцатилетний паренек из Мерано прошел девятьсот километров босиком, чтобы только увидеть его. Один туринец, которого дуче обнял на какой-то церемонии, перестал умывать свое лицо. В Риччионе, где находилась его приморская вилла, истеричные женщины часами плавали в воде, чтобы только увидеть, как он входит в море»¹⁴¹.

---

¹⁴¹ Колье Р. Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини, М., 2001. С. 131.

Современная демократия как демократия охлоса тоталитарна. Она ориентирована на серых и посредственных людей, не желающих брать на себя какую-либо ответственность, но жаждущих шоу. Такими серыми выглядят не только избиратели, но и избранные, ведущие себя во время избирательной кампании как настоящие шуты и клоуны, готовые выполнить любую прихоть толпы. Эти президенты после их ухода с политической сцены предаются забвению и ничего не оставляют для истории. В отличие от Петра Великого, Наполеона Великого, Дж. Вашингтона, В. Ленина, У. Черчилля, И. Сталина, Ш. де Голля они — неисторические личности и никакого интереса не представляют для будущих поколений.

Абсолютизация любого социального, политического и т.д. феномена приводит к диаметрально противоположным результатам. Абсолютизация демократии приводит к произволу, безответственности, анархии и деградации общества. Нельзя же путем демократии выбирать на руководящие должности, где требуется исключительная компетентность и талант. Как можно, скажем, при назначении на должность художественного руководителя театра использовать демократические формы? Как правило, подчиненные не любят знающего и требовательного руководителя. Они предпочитают тихого, безвольного руководителя, не мешающего им плохо работать.

Политика — дело исключительно серьезное и не надо ее отдавать в руки охлоса и некомпетентных людей. Но современному правящему классу, ставящему

свои интересы выше интересов всего общества, выгодно использовать охлос. Поэтому он превратил демократию в тоталитаризм.

Разумеется, отсюда не следует, что диктатура лучше демократии. Абсолютизация диктатуры так же опасна, как и абсолютизация демократии. Всегда надо исходить из конкретно-исторических условий и соблюдать меру.

Конечно, охлосу льстит, что он принимает участие в политической жизни, прежде всего через механизмы всеобщего избирательного права. Но как пишет видный французский политик М. Рокар, «всеобщее избирательное право начинает терять свою эффективность, поскольку важные решения, которые необходимо бывает принять, все меньше могут быть отложены до тех пор, пока люди, выбранные на его основе, сумеют высказать свое мнение. По этой причине такие механизмы, как парламент, начинают терять свое влияние»¹⁴². Даже в странах с установившимися демократическими традициями люди большее значение придают субъектам исполнительной, чем законодательной власти, потому что в конечном итоге от них зависит решение каждодневных вопросов. А что касается государств, где такие традиции отсутствуют, то там народ с недоверием относится к представителям законодательной власти, и мало беспокоится, когда исполнительная власть игнорирует ее законы или вовсе запрещает. Он считает, что депутаты много говорят, но мало делают. Вообще пар-

---

¹⁴² Рокар М. Трудиться с душой. М., 1990. С.133.

ламентская говорильня народу дорого обходится, если к тому же учесть, что современная говорильня обслуживается сотнями тысяч работников радио и телевидения, газет и журналов.

Демократия в западном смысле не обеспечивает главных прав человека: право на труд, на образование и на отдых. Псевдосвобода демократии оборачивается для среднего человека отсутствием реальной свободы, ибо он не может удовлетворить свои элементарные потребности, проявить свои физические и духовные потенции. Она разделяет людей на богатых и бедных, на эксплуататоров и эксплуатируемых. И, как говорится, во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах. Эта демократия не консолидирует людей, а дезинтегрирует их.

Проповедники «демократии» много пишут о правах человека. Но они их фактически сводят к «правам» животного. Животное «имеет право» не есть, не «работать», не иметь жилья, не «отдыхать», умирать и т.д. Но оно не выходит за пределы природы и, так сказать, находится внутри нее. Поэтому все его «права» даны самой природой. Иными словами, говорить о «правах» животного абсурдно. Права возникают в обществе. Они — продукт взаимодействия людей. В процессе этого взаимодействия индивиды в сложной социальной иерархии занимают разное социальное положение, позволяющее одним ограничивать права других, не давая им возможности проявлять себя, удовлетворять свои реальные материальные и духовные интересы. Права человека имеют конкретный, а не абстрактный характер. Они реализуются в зависимости от социального и эко-

номического положения индивида. Богатый человек имеет право, собственно говоря, на все: на жилье, на отдых, на образование, на путешествия... Поэтому ему, в сущности, от государства ничего не требуется. Ему нужно только, чтобы его богатство надежно защищалось. Бедный человек тоже имеет право на все, но фактически он бесправен, потому что у него нет денег ни на жилье, ни на путешествия, ни на отдых, ни порою даже на кусок хлеба. То же самое касается социальных классов. Один живет за счет эксплуатации другого. Он на это имеет право. Но и эксплуатируемый класс имеет право на забастовки, на восстания и т.д. Могут сказать, что революционные взрывы, восстания и забастовки расшатывают общество. Это верно, но верно и то, что общество не имеет права на существование, когда большинство людей не в состоянии удовлетворить свои элементарные потребности, а меньшинство живет в роскоши.

Реализация прав человека во многом также зависит от традиций, обычаев и конкретно-исторических условий. На Западе очень модно в настоящее время навязывать свои ценности остальному миру, выдавая их за общечеловеческие ценности. В этой связи особое внимание обращается на права человека. Но западные представления о правах человека и представления о них в других регионах сильно отличаются друг от друга. На Западе доминирует индивидуализм, а на Востоке — коллективизм. Не случайно теория естественного права возникла на Западе в период бурного формирования буржуазных общественных отношений. Новый строй требовал освобождения человека от религиоз-

ных и экономических оков Средневековья. Ему нужен был человек предприимчивый, свободный от всяких условностей, готовый идти на риск. И такой человек постепенно сформировался. Он приспособился к новым общественно-политическим порядкам, уважает принятые государством законы, постановления и другие законодательные акты, старается действовать в их рамках, хотя нередко их нарушает. Он предпочитает жить более или менее независимо от родителей и вообще от родственников.

Восточный человек имеет другие представления о своих правах. Он уважает традиции и обычаи предков, прислушивается к голосу старших, особенно родителей. Еще Конфуций писал: «Учитель сказал:

— Дома младшие почтительны к родителям, а на стороне послушны старшим, осторожны и правдивы, полны любви ко всем, но близки с теми, в ком есть человечность»¹⁴³. На Востоке радиус родственных связей намного шире, чем на Западе.

Нельзя не обратить внимания и на то, что современные интерпретаторы демократии забыли лозунг Великой французской революции XVIII века: «Свобода, равенство, братство». Они берут только свободу, предполагающую предоставление соответствующих прав человеку. Но свобода без социального равенства — пустой звук. О свободе можно говорить лишь в том случае, если индивиды имеют одинаковые стартовые возможности.

---

¹⁴³ Конфуций. Уроки мудрости, «Эксмо» Москва, «Фолио» Харьков, 2002. С. 5.

Кроме того, свобода предполагает не только открыто высказывать свою позицию по тем или иным вопросам, но и влиять на общественные и государственные дела. Однако исторический и современный опыт свидетельствуют о том, что свободнее чувствуют себя богатые люди, имеющие доступ ко всем ценностям и возможности воздействовать на социально-политические процессы.

Кроме того, нельзя отрывать права человека от прав народов на самоопределение. В полиэтническом государстве — в мире почти все государства являются полиэтническими — права человека в первую очередь реализуются через права народов и наций. В реальной жизни большими правами пользуется представитель того народа, который доминирует в данном обществе.

Демократия — это огромная ответственность каждого гражданина перед своей семьей, государством, обществом, отечеством. Демократия не есть анархия и произвол. Демократия — это соблюдение всех правовых принципов и норм. Демократия — это абсолютное равенство всех перед законом. Любой гражданин, начиная от президента и кончая рядовым, должен нести ответственность за нарушение существующих в государстве законов. Он должен сознавать, что честное отношение к выполнению своих служебных и иных обязанностей является, так сказать, его священным долгом. Демократия может перерасти в анархию и вседозволенность, если не выполняются принятые государством законы. Демократия — это не только выборы, которые проводятся время от времени, но и повседневное участие граждан в управлении делами государ-

ства. Современная демократия, как уже отмечалось, дает человеку право выбора того или иного политика, но лишает его права повседневно и реально влиять на государственные дела.

Самой опасной чертой постмодернистской политики является игнорирование национальных интересов и права народов на самоопределение. Под предлогом защиты прав личности постмодернистские политики любой политической режим могут объявить диктаторским, якобы нарушающим права человека и свергнуть его всеми средствами, в том числе военными. А его законных руководителей могут физически уничтожить или судить как преступников. При этом если даже протестуют миллионы людей против войны, все равно лидеры постмодернистских государств цинично бомбят территорию независимого государства, убивают ни в чем не повинных людей и устанавливают «демократический порядок». Причем трагизм ситуации состоит в том, что правительства других государств либо полностью поддерживают агрессора, либо робко возражают, либо просто-напросто молчат.

В роли современного «защитника демократии» выступают Соединенные Штаты Америки», представляющие собой непосредственную угрозу не только для демократии, но и для существования самой мировой цивилизации. США, как пишет уже вышеупомянутый американский писатель и публицист В. Гор, являются не демократической страной, а полицейским государством. «Хотя американский народ не имеет возможности напрямую влиять на правительство, его «мнения» время от

времени выясняются путем опросов. Так, согласно опросу, проведенному «Си-эн-эн» -Тайм» в ноябре 1995 года, 55 процентов населения считают, что «федеральное правительство стало до того всемогущим, что это ставит под угрозу обычных граждан». Через три дня после «черного вторника» 74 процента заявили, что, по их мнению, «американцам придется отказаться от некоторых личных свобод», 86 процентов высказались в пользу того, чтобы в общественных зданиях была организована охрана и установлены металлоискатели. Таким образом, полицейское государство уютно устраивается в нашей стране, и можно представить себе, как ликуют Чейни и Рамсфельд, изучая эти цифры»¹⁴⁴.

Эпоха постмодерна — это эпоха космополитизма и игнорирования патриотизма. Глобализация ведет не только к исчезновению национальных границ, но и к игнорированию патриотизма. Теперь, оказывается, не надо проявлять патриотические чувства, не надо любить Родину, не надо хранить и приумножать национальные культурные ценности, не надо соблюдать национальные обычаи и традиции. Теперь не важно, где ты родился, важно, где тебе больше платят, где ты комфортнее чувствуешь себя, где ты получаешь больше наслаждения. И если на твою историческую Родину совершена агрессия, то необязательно ее защищать, ведь ты — гражданин всего мира, а не какого-то отдельного государства. Правда, здесь существенно за-

---

¹⁴⁴ Гор В. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира, М., 2003. С. 18.

метить, что главный проповедник космополитизма США не допускают в отношении себя никакой критики и никакого ущемления национальных интересов. Они фактически под космополитизмом подразумевают расширение американских ценностей.

Постмодернизм есть зеркальное отражение кризиса современного общества. Он, выражаясь словами Гегеля, тождествен со своей эпохой. Его приверженцы подметили колоссальные изменения в современном мире, с чем нельзя не согласиться. Абсолютно прав Бодрийар, когда пишет: «Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это — состояние после оргии. Оргия — это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребенка, освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства. И вознесение всех мистерий и антимистерий»¹⁴⁵. Действительно, современный буржуазный мир представляет собой «состояние после оргии». Людей от всего освобождают: от морали, от совести, от ответственности, от труда, от воспитания и т.д. и т.п. Такое состояние беспокоит не только Бодрийара, но и многих других постмодернистов. Оно беспокоит всех здравомыслящих людей, понимающих, что человечество находится на точке бифуркации и оно должно, если желает и дальше жить,

---

¹⁴⁵ Бодрийар Ж. Прозрачность зла. М. 2000. С. 7.

освободиться от такого состояния. Постмодернисты критикуют это состояние, но позитива не предлагают. Более того, они его усугубляют своим нигилизмом к прошлому и не желанием изменить что-либо.

Постмодернисты правы и в том, что описание изменений современного мира требует применения новых методов и средств познания. Но никак нельзя на этом основании, как это делают постмодернисты, отвергать старые испытанные методы научного анализа. Не выдерживает критики их оценка деятельности просветителей. Нельзя согласиться с отрицанием мировоззренческих функций философии. Вообще если философия перестает играть какую-либо **мировоззренческую роль**, если она не способствует формированию культуры мышления, не помогает духовному обогащению человека, то она теряет всякое значение, и нет никакого смысла тратить время на ее освоение. И, конечно, абсолютно неприемлемо нигилистическое отношение постмодернистов к философии рационализма. Именно в преодолении кризиса современного общества **исключительная роль принадлежит рационализму**. Иррационализм, связанный с эмоциями, чувствами и безрассудным поведением, может обострять, а не разрешать социальные конфликты и межгосударственные противоречия. На базе иррационализма не решить глобальных проблем современности — проблемы войны и мира, здравоохранения, проблем экологии и т.д.

Появление Homo Sapiens — величайший скачок в эволюции природы. Возникновение рационалистической философии — гигантский шаг в развитии философии.

Рационалистическая философия — философия Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, просветителей XVIII века, Канта, Гегеля, Маркса — есть величайшая культурная ценность. Не философия рационализма виновата в том, что мы переживаем глубочайший кризис, а то общество, в котором мы живем. Поэтому задача нынешних философов заключается в том, чтобы защитить эту философию, исследовать современные реалии средствами этой философии и указать пути преодоления кризиса и перехода к качественно новому обществу.

Как уже отмечалось, постмодернисты выступают с позиции нигилизма и релятивизма: Они критикуют почти все фундаментальные положения классической философии, отвергают ее гносеологические и онтологические наработки. Конечно, без критического анализа предшествующих философских течений и философских методов исследования нельзя решать возникшие проблемы. *Повторяю еще раз: без постоянного обновления логического аппарата, философских категорий, без преодоления устаревших философских положений нельзя двигаться вперед, нельзя развивать философию.* Но критика критике рознь. **Абсолютное отрицание всего прошлого, кроме вреда, ничего не дает для приращения философских знаний.** Нигилизм приводит в конечном итоге к отрицанию самой философии. Постмодернистские словесные упражнения, игра в слова, переворачивание исторической действительности под видом ее новой интерпретации тянут философию не вперед, а **назад**. Поэтому постмодернистская философия — это философия, зовущая **В**

никуда, она видит тупиковую ситуацию, критикует ее, но не предлагает выхода из нее.

Постмодернизм охватил весь духовный мир — от искусства, гуманитарных дисциплин до естествознания. Он вытеснил рационалистическое мышление, и все превратил в пустой дискурс, треп. Постмодернисты излагают свои мысли сумбурно и непонятно, а между тем все, что непонятно, не всегда глубоко. Кроме того, не только краткость сестра таланта, но ясность тоже сестра таланта. Не следует забывать, что ясно изложенные мысли способствуют росту знаний, тогда как туманно сформулированные мысли могут бесконечно воспроизводиться и никакому росту знаний не способствуют.

Постмодернисты отвергают логику и эмпирический мир. Правильно пишут А. Сокал и Ж. Брикмон относительно постмодернистской парадигмы: «...Если есть желание заниматься наукой, будь то физика или социальная наука, следует оставить радикальные сомнения в отношении логики или возможности познать мир посредством опыта»¹⁴⁶. Они руководствуются иррационализмом, ничего общего не имеющего с научными методами исследования объективного мира. Их туманные интерпретации науки привлекают неискушенных читателей и слушателей, особенно молодежь, которая, как правило, гонится за самым крайним. А. Сокал и Ж. Брикмон пишут, что они «познакомились в Париже

---

¹⁴⁶ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна, М., 2002. С. 156.

со студентом, он блестяще закончил обучение физике и увлекся философией и, в частности, Делезом. Он пытался понять «Различие и повторение». Прочитав математические фрагменты, которые мы критикуем, он признал, что не понимает, к чему клонит Делез. Однако из-за репутации глубины этого философа он не мог решиться признать, что если даже он сам после серьезного изучения дифференциального и интегрального исчислений не понимает эти тексты, то это скорее всего потому, что они ничего не значат. Нам кажется, то этот эпизод должен был, наоборот, заставить его быть более критичным по отношению к оставшейся части произведения Делеза»¹⁴⁷. Таких студентов много не только в Париже, но и в Москве, в том числе на философском факультете МГУ. Многим из них больше нравятся туманные и бессмысленные рассуждения, чем четкие и ясные философские мысли. К сторонникам классических философских традиций они относятся настороженно. Но они даже не подозревают, что в ясных мыслях и идеях больше глубины, чем в туманных высказываниях. Они зря теряют свое время на изучение трудов постмодернистов, но их в этом невозможно убедить.

Выше уже отмечалось, что постмодернисты свою бурную деятельность развернули после майских событий 1968 года во Франции. Многие из них, особенно в США, считают себя «новыми левыми», которые в отли-

---

¹⁴⁷ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна, М., 2002. С. 156.

чие от «старых левых» отвергают классический рационализм и проповедают иррационализм и релятивизм. Р. Рорти прямо пишет: «Мне кажется, нам следует отбросить термин «Старые Левые» в качестве обозначения американцев, называвших себя «социалистами» между 1945 и 1964. Я предлагаю использовать термин «левые реформисты», для обозначения всех американцев, которые между 1900 и 1964 боролись в рамках конституционной демократии во имя защиты слабых от сильных. В их число входит множество людей, которые называли себя «коммунистами» и «социалистами» и множество людей, которым и не снилось так себя называть. Я буду употреблять термин «Новые левые», чтобы обозначить людей, главным образом, студентов, которые примерно в 1964 году решили, что в рамках системы более невозможно содействовать достижению социальной справедливости»¹⁴⁸.

Почему же постмодернисты себя объявили «новыми левыми»? А. Сокал и Ж. Брикмон это объясняют тем, что в шестидесятые годы возникли антирасистские, феминистские, гомосексуальные и другие социальные движения, которые традиционные левые игнорируют. Многие из этих движений пришли к выводу, что постмодернистская философия полностью отвечает их чаяниям. «Одна из привлекательных черт постмодернизма — кажется, что он подводит философскую базу под политику различия и тем самым обосновывает уважение

---

¹⁴⁸ Рорти Р. Обретая нашу страну. Политика левых в Америке XX века. М., 1998. С. 53–54.

к другим культурам и образам жизни»¹⁴⁹. С точки зрения постмодернистов, все духовные ценности относительны и равноценны. Скажем, картины Ван Гога ничуть не лучше картин уличного живописца или стихи гениального Пушкина ничуть не лучше стихов посредственного поэта или классические оперы ничуть не лучше уличных песен. Эти псевдомысли привлекают многие слои общества и, прежде всего, маргинальные группы, гомосексуалистов, феминисток и других, которые потеряли веру в идеалы равенства и справедливости. Они находят в постмодернизме благодатную почву, потому что он отвлекает от реальных проблем, и главное внимание уделяет не рациональному объяснению существующих трудностей общественной жизни, а упражнениям ума и анализу различных текстов. «Левые» постмодернисты, отказавшись от классического философского наследия и проповедующих иррационализм и релятивизм, фактически разоружают те социальные движения, которые к ним тянутся.

А есть ли смысл критиковать постмодернизм? Представляет ли он опасность для культуры? Я не отвечаю за всю культуру. Может быть, постмодернизм приносит какую-то пользу в искусстве или в архитектуре. Что касается художественной литературы, то лично я предпочитаю классическую литературу и не думаю, что постмодернизм далеко продвигает литературу. Но,

---

¹⁴⁹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна, М., 2002. С. 163.

повторяю, не мне об этом судить. Если говорить о точных науках, то правы А. Сокал и Ж. Брикмон. Для этих наук постмодернизм не представляет никакой опасности, потому что там, где требуются точные знания, нет места трепу. И попытки постмодернистов использовать точные науки обречены на провал. Совсем другое дело гуманитарные науки. «От разлагающего влияния модной сегодня бессмыслицы страдают прежде всего гуманитарные науки, когда языковые игры изгоняют критический и строгий анализ социальной реальности»¹⁵⁰. Очень верные слова. Вместо серьезного анализа социальных, экономических, политических, культурологических, исторических и иных проблем сегодня гуманитарные науки завязли в пустых дискурсах и спекулятивных рассуждениях. Историческая наука, в которой факты истории отвергаются и миф, и научные данные объявляются синонимами, никому не нужна. Авторы правильно пишут, что негативное влияние постмодернизма проявляется, во-первых, в том, что гуманитарные науки теряют время. Они просто-напросто не развиваются, потому что в них нет роста знаний, во-вторых, в том, что на наших глазах происходит культурологическая путаница, которая ведет к мракобесию и, в-третьих, в том, что ослабляется политика левых сил.

Особую озабоченность у А. Сокала и Ж. Брикмона вызывают образование и культура: «Более серьезным,

---

¹⁵⁰ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна, М., 2002. С. 168.

по нашему мнению, является пагубное воздействие отказа от ясного мышления на образование и культуру. Студенты учатся повторять и выстраивать рассуждения, в которых они мало что понимают... В конечном счете, обдуманно невразумительные рассуждения и сопутствующая им интеллектуальная бесчестность отравляют часть интеллектуальной жизни и усиливают и без того распространенный среди населения примитивный антиинтеллектуализм»¹⁵¹.

Трудно не согласиться с этим утверждением. Казалось бы, выходят миллионы газет, журналов, книг и других видов духовных ценностей, но люди читают все меньше и меньше, а если и читают, то предпочитают серьезной литературе, бульварную. Ясно, что от чтения бульварной литературы не повышается интеллектуальный уровень людей. Постмодернисты способствуют деинтеллектуализации общества.

Нельзя не согласиться и с таким утверждением А. Сокала и Ж. Брикмона: «В тот час, когда суеверие, мракобесие и националистический и религиозный фанатизм чувствуют себя замечательно, по крайней мере безответственно обращаться с легкостью с тем, что исторически было единственным заслоном перед этим безумием, а именно рациональное мировоззрение. Содействие мракобесию наверняка не является задачей постмодернистских авторов, но оно является неизбеж-

---

¹⁵¹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна, М., 2002. С. 168, 169.

ным следствием их деятельности»¹⁵². Сегодня в нашем мире неспокойно. Терроризм, национализм и религиозный фанатизм стали доминирующим фактором в общественной жизни. В этих условиях очень опасно еще выступать против рационализма, против разума, стремящегося к цивилизованному разрешению всех социальных противоречий.

А. Сокал и Ж. Брикмон как истинные ученые обратили внимание и на политические последствия постмодернизма. «Наконец, для нас и для всех политически левых постмодернизм имеет свои негативные последствия. Во-первых, сосредоточение на языке и элитарность, связанная с употреблением претенциозного жаргона, способствуют тому, чтобы загнать интеллектуалов в рамки стерильных споров и изолировать их от общественных движений, которые происходят за стенами их башни из слоновой кости... Во-вторых, стойкое существование путаных идей и невразумительных рассуждений среди определенной части левых может дискредитировать все левое движение...»¹⁵³. Если все дискурсы, продолжают авторы, являются объективными и равноценными, если исключается всякая критика тех или иных социально-экономических теорий, то следует признать правомерность и, скажем, расистских теорий. Совершенно ясно, что такой релятивизм не способствует успеху левых сил.

---

¹⁵² Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна, М., 2002. С. 169.

¹⁵³ Там же. С. 170.

Постмодернистская философия фактически уничтожает философию. Постмодернисты лишают ее мировоззренческих и гносеологических и прогностических функций. Они сводят ее к бесконечному дискурсу, к словесным упражнениям и пустым разговорам. Постмодернизм в философии не дает новых знаний. Он может непрерывно воспроизводить одни и те же дискурсы. Он не ставит проблем, без чего вообще не мыслима никакая наука, никакая философия.

Особую опасность постмодернистская философия представляет в России. Дело в том, что в России философия как таковая никогда не была востребована обществом. Были философы, но не было философии. Об этом писал П.Л. Лавров еще в 1860 году. В работе «Три беседы о современном значении философии» он отмечал, что значение философии в каждой стране проявляется по-разному. Так, например, «немцы считают себя, как немцев, прирожденными судьями философских предметов и, гордясь именами нескольких замечательных мыслителей, видят в своем отечестве единую, исключительную родину философии»¹⁵⁴. В Германии, продолжает П.Л. Лавров, философию проникла в поэзию, в беллетристику и даже в обыденную жизнь. «Философские споры проникли в германское общество, в германскую жизнь. И споры эти касаются самых отвлеченных вопросов. Школы гегельянцев, шеллингистов, кантианцев, гербартианцев, материалистов и т.д.

---

¹⁵⁴ Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М., 1965. С. 513–514.

разделяются между собою по вопросам об отношении мысли к действительности, о том, существует ли Я, или это есть призрак, какое отношение между веществом и силой и т.д.»¹⁵⁵. Таким образом, в Германии философия имеет чисто *теоретическое* значение.

Другая картина, продолжает П.Л. Лавров, наблюдается во Франции. Там философия имеет чисто *практическое* значение. Она в XVIII веке превратилась в знамя революционной борьбы. «Во время всего XVIII в. шла ожесточенная борьба во имя философии. Это слово ставили на алтарь в виде богини разума, из-за него изгоняли и казнили, но при всем том обращали очень мало внимания на его научное значение. Буржуазия не хотела более терпеть гнета светской и духовной аристократии. Последняя опиралась на определенное мирозерцание, на установленные предания. Против этих-то преданий шли бороться Вольтеры и Дидро»¹⁵⁶. Заметим, что в современной Франции философия имеет такое же практическое значение, какое она имела в XVIII веке. Вот что пишет об этом современный французский философ В. Декомб: «Но, конечно же, философы вынуждены медленно демонстрировать свое политическое значение в мирском пространстве (газеты, журналы, средства массовой информации). Выбор определенной политической позиции был и остается во Франции решающим испытанием, именно он призван раскрыть ко-

---

¹⁵⁵ Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М., 1965. С. 514.

¹⁵⁶ Там же, С. 514.

нечный смысл мысли. Все происходит таким образом, будто до сути дела добрались как раз в тот самый момент, когда философы, отталкиваясь от гипотез о единстве и множественности или природе познания, наконец переходят к вопросу о грядущих выборах или о позиции коммунистической партии»¹⁵⁷. И экзистенциалисты, и марксисты, и структуралисты, и постструктуралисты, и постмодернисты, и «новые философы», и «новые правые» ангажированы в политику.

Итак, как в Германии, так и во Франции философия востребована обществом. Какое же значение философия имеет в России? Ответ П.Л. Лаврова: «У нас философия не имеет ни того, ни другого значения. У нас нет философского предания, великих имен национальных мыслителей, которых системы спорили бы о господстве между ними. Иной из нас вспомнит иногда давно умолкшего профессора, ученика немецкого мыслителя, но вспомнит о *лице*, о единице, а не о направлении. Несколько шеллингистов оставили в нашей литературе и в памяти общества след несколько более яркий, чем мыслители других направлений, но все это смутное предание. Философских школ у нас не было, а были философствующие единицы, и те приносили очень мало *своего*, а развивали большей частью предмет по миросозерцанию того или другого германского философа. Нечего уже говорить, что у нас нет следа общественных партий, которые бы боро-

---

¹⁵⁷ Декомб В. Современная французская философия, М., 2000. С. 13.

лись и выставляли философские принципы для своих практических целей»¹⁵⁸.

Эти высказывания П.Л. Лаврова актуальны и в наше время. Действительно, на Западе философия, в том числе постмодернистская, востребована обществом. Эта востребованность носит либо практический, либо теоретический характер, либо и то и другое вместе. Западное Просвещение было востребовано практически потребностями, а именно необходимостью теоретического оправдания бурного формирования буржуазных общественных отношений. Принцип *laissez-passer, laissez-faire*, то есть принцип личной инициативы сковывался феодальными порядками и феодальным мировосприятием. Против этого мировосприятия выступили французские философы XVIII века. И правильно говорят, что они подготовили Французскую революцию.

В отличие от Запада в России, как пишет П.Л. Лавров, философия никогда не была востребована обществом. Были философы, но не было философий, философских школ и направлений. Это было как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и после революции. Мне могут возразить, что в Советском Союзе была марксистская философия. Но на самом деле не было никакой марксистской философии. Та философия, которую изучали и преподавали и которая называлась марксистско-ленинской философией, на самом деле не вызывалась практическими потребностями и была навязана совет-

---

¹⁵⁸ Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М., 1965. С. 515.

ской верхушкой. Поэтому когда свергли Советскую власть, то исчезла и марксистско-ленинская философия.

Но отсюда не следует, что не было философов-марксистов. Выражаясь словами П.Л. Лаврова, были философские лица, но они остались и после свержения Советской власти. К их числу относится и автор данной работы. Все остальные философы были просто-напросто бытовыми приспособленцами.

На Западе та или иная философская школа перестает существовать, как только она оказывается невостребованной обществом. Достаточно вспомнить экзистенциализм, который после войны доминировал в духовной жизни Франции. Теперь это философское направление приобрело чисто историческое значение. В этой связи интересно рассмотреть марксизм. Его появление на Западе было абсолютно необходимо. Нужно было новые реалии буржуазного способа производства осветить с позиции диалектико-материалистического понимания истории, показать, что данный способ производства представляет собой необходимую ступень в развитии человечества и что на определенном этапе этого развития он будет заменен более прогрессивным способом производства. Прежние философские и социально-экономические теории не могли дать такой анализ. Маркс, опираясь на достижения этих теорий, продвинул их дальше. У Ленина были все основания, когда он писал, что марксизм есть продолжение прежних теорий. Но Маркс создал новое философское, социально-политическое и экономическое учение, которое по праву носит его имя. Таким образом, потребности прак-

тики и теории породили марксизм. Но в отличие от других философских и других учений марксизм всегда востребован, потому что континент-поле, которое он исследует, в сущности не меняется. Любой непредвзятый исследователь не может не признать, что материалистическое понимание истории не может устареть, так как пока существует человечество, люди в первую очередь должны заниматься производством материальных благ, иначе они просто-напросто погибнут. Не подлежит сомнению и то, что практика является основой и критерием познания. Конечно, пока функционирует капитализм, будет эксплуатация человека человеком, будет существовать классовый антагонизм и т.д. и т.п. Словом, фундаментальные положения марксизма не могут устареть, поскольку, как я уже только что отмечал, континент-поле как предмет исследования сохраняется.

Марксизм востребован, потому что общество в нем нуждается. И тем, кто сегодня как на Западе, так и в России отвергает марксизм, считает его устаревшим учением, хочется напомнить слова крупнейшего французского философа XX века Ж.-П. Сартра: «Совершенно ясно, что эпохи философского созидания редки. Между XVII и XX веками я вижу три эпохи, которые связаны с известными именами: во-первых, это «эпоха» Декарта и Локка, во-вторых, Канта и Гегеля и, в-третьих, Маркса. Эти три философии становятся почвой для любой отдельной философии и горизонтом любой культуры. Они имеют непреходящее значение до тех пор, пока выражаемый ими исторический момент не преодолен. Поэтому я часто утверждаю, что

«антимарксистский» аргумент есть только прямое возрождение домарксистской мысли. Так называемое преодоление «марксизма» есть только в худшем случае возврат к домарксизму, а в лучшем — случае заново открытая мысль, уже содержащаяся в философии, которую якобы преодолели»¹⁵⁹.

Следует подчеркнуть, что в России Маркс еще при жизни пользовался огромной популярностью. Правда, этой популярности он не придавал особого значения. Вот что он писал в письме к Кугельману 12 октября 1868 года: «Несколько дней тому назад один петербургский книгоиздатель поразил меня известием, что сейчас печатается русский перевод “Капитала”. Он просил меня послать ему мою фотографию, чтобы напечатать ее на титульном листе, и в этой мелочи я не мог отказать “моим добрым друзьям”, русским. Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет боролся в своих выступлениях не только на немецком, но и на французском и английском языках, всегда были моими “благодетелями”. В 1843–1844 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847), а также то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого большого сбыта, как в России. И первой иностранной нацией, которая переводит “Капитал”, оказывается русская. Но все это не следует переоценивать. Русские аристократы в юношеские годы воспитываются в немецких уни-

---

¹⁵⁹ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, Paris, 1960. P. 17.

верситетах и в Париже. Они гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад»¹⁶⁰.

Марксизм, как и другие западные учения, не был востребован российским обществом. Но он был привнесен молодыми российскими интеллектуалами, в том числе большевиками. После Октябрьской революции он, как уже отмечалось выше, сверху был навязан обществу.

Вообще отсутствие общественной потребности вовсе не исключает того, что, как отмечал П.Л. Лавров, кто-то может быть позитивистом, кто-то экзистенциалистом, а кто-то марксистом. В современной России, хотя марксизм перестал доминировать, но марксисты остались. Правда, подлинных марксистов не так много. Однако нет сомнения в том, что со временем их число увеличится.

Но если марксистов и вообще сторонников классической философии мало, то зато постмодернистов очень много. Сам постмодернизм как философское течение не востребован российским обществом, но большинство российских философов имплицитно или эксплицитно придерживается постмодернистских позиций. Об этом свидетельствуют российские философские конгрессы и многочисленные философские конференции. Фактически вся классическая философская проблематика исчезла из поля зрения философов. Проводятся «круглые столы» по «философии пива», ведутся пустые дискурсы обо всем и ни о чем. Пышно отмечают юбилеи философов-академиков, занимающих руководящие должности

---

¹⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 472.

в тех или иных научных учреждениях. Подхалимы и лицемеры превозносят их, отмечают их «научные заслуги», хотя никаких заслуг нет. Вообще следует подчеркнуть, что как в Советской России, так и в нынешней интеллект ученого в отличие от Запада определяется не его вкладом в науку, а занимаемой им **административной** должностью. Если человек в науке ничего не сделал, а, скажем, является директором крупного научно-исследовательского института, то он автоматически становится академиком.

Строго говоря, сегодня философия представляет собой пустую болтовню или, выражаясь «научно», дискурс. Она отказывается от объективного анализа современной социальной действительности и все превращает в никому не нужный дискурс. Сегодня философы никакой ответственности не чувствуют за то, что происходит в мире, за рост социального неравенства, за уничтожение многих культурных ценностей, за экологический кризис и т.д. Зато они обвиняют классическую философию во всех грехах. Представители классической философии осмысливали все, что происходило в их обществе. Постмодернисты же вместо глубокого осмысления и анализа современных процессов и феноменов ограничиваются дискурсами.

На третьем Российском философском конгрессе, состоявшемся в 2002 году в Ростове-на-Дону, в своем докладе «О социальной ответственности философа» я подчеркнул, что все крупные философы во все времена чувствовали свою социальную ответственность перед обществом, и поэтому выдвигали теории, в которых осмыс-

ливались реалии социальной жизни, выражали определенное беспокойство по поводу тех или иных событий, оказывавших негативное влияние на ход исторического процесса. Я призвал философов не заниматься пустыми дискурсами, а уважать любовь к мудрости и анализировать сложные и противоречивые феномены нашего весьма сложного социального мира. К сожалению, я не был понят. Конгресс был посвящен проблемам рационализма и культуры, а превалировали иррационализм и бескультурье. Каждый стремился очень туманно и совершенно неграмотно с точки зрения философии озаглавить свое выступление, но зато все в духе постмодернизма. Вот, например, некто С.И. Голенко свои тезисы назвал «Конец социального»? Совсем в духе Бодрийара. Вот еще один образчик постмодернизма. В.С. Абрамов в своей статье «Глобальные симптомы трансика урбанизма» пишет: «Трансика урбанизма как трансцедентная особенность современного мироустройства есть глобальный процесс эскалации урбанизма, который осуществляется в форме бегства за пределы традиции в сторону модерни-постмодернити и обратно. Трансика есть идеология о трансцендентном»¹⁶¹. Эта тарабарщина ничуть не лучше постмодернистской бессмыслицы. Нельзя не вспомнить старый, но очень актуальный в наше время анекдот. Купец спрашивает у студента: «На кого ты

---

¹⁶¹ Абрамов В.С. Глобальные симптомы трансика урбанизма // 111 Российский философский конгресс. Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Т. 3. Ростов-на-Дону 2002. С. 175.

учишься?» Студент отвечает: «На философа». Купец спрашивает: «А что такое философия?» Студент отвечает: «С точки зрения логической градации и человеческого позитивизма философия есть трансцендентальный эмпириокритицизм, двуединый монизм, включающий в себя проходимость по необходимости и необходимость по проходимости. Учитывая теорему Наумана, Фаумана и Пифагора о положительной интерпретации отрицательных явлений, тем более Фейербах индуцирует, что субстанция человеческого бытия содержит в себе столько апостулатов, сколько апостаментов содержит «Критика чистого разума» Канта. И если это все рассмотреть через призму диалектического материализма, то получится не то, что что-нибудь, а тем более вообще».

Купец почесал голову и сказал: «Оно, конечно, можно, ежели это ничто иное, как ежели что. А вот ты как коснись, так ответ тебе и, пожалуйста». Этот анекдот о философии мне напоминает напыщенные, но бессмысленные фразы постмодернистов и их последователей.

Философия деградирует не только в России, но и во всем мире, о чем свидетельствуют материалы XXI всемирного философского конгресса, проходившего в 2003 году в Турции. Все это свидетельствует о том, что постмодернизм ведет к краху философию, которая сыграла ключевую роль в духовной жизни человечества.

Сегодня в философии нет никаких критериев. Философы, предлагающие свои концепции, не удосуживаются выдвинуть какие-либо аргументы в их защиту. Сегодня труднее стать, скажем, студентом философского факультета МГУ, чем доктором философских наук. Если,

например, во время вступительных экзаменов абитуриент несет какую-нибудь чушь, то ему сразу же ставят неудовлетворительную оценку. Но если претендент на ученую степень доктора философских наук во время защиты своей диссертации несет аналогичную чушь, то его за это хвалят, потому что, оказывается, у него есть собственная позиция. Все неудачники стараются защищать диссертации по философии, потому что в других областях научного знания требуются конкретные знания, а в современной философии такие знания никому не нужны. Главное в диссертации — это наукообразность, новая терминология, причем ничего не обозначающая, критика Маркса, которого, естественно, автор диссертации не читал, а если читал, то не понял, схоластика и спекулятивные рассуждения обо всем и ни о чем.

Любовь к мудрости заменена любовью к мудрствованию. Авторы абсолютно не несут никакой научной ответственности за свои сумасбродные идеи и абсурдные рассуждения.

Книжные полки заполнены «философскими трудами», предназначенными для продажи, а не роста знаний. Постмодернизм — это **рынок**, а не наука. Доминирующие в современном мире философские доктрины лишены рационального смысла. В них исчезли классические философские проблемы. Их представителям мешают классические философы Платон, Аристотель, Декарт, Кант, Гегель, Маркс и многие другие. Мешают потому, что они заставляют мыслить, анализировать, обобщать, читать научную литературу. Их сторонники не хотят видеть, что современное общество переживает глубокий

кризис, охвативший все его сферы — экономическую, политическую, духовную и социальную. Вместо того, чтобы, опираясь на классические философские традиции, продвигать философию вперед, они занимаются пустыми рассуждениями о консенсусе и деконструкции, о коммуникации и толерантности. Совершенно ясно, что такого рода философские рассуждения никакого влияния не оказывают ни на мировоззрение людей, ни на их жизнедеятельность. Короче говоря, они никого не трогают и вполне естественно, что никому не нужны.

Но парадокс ситуации заключается в том, что философы этого не замечают. Они думают, что количественный рост выходящей философской литературы свидетельствует о ее качественном скачке вперед. К сожалению, это не так. Рост научного знания наступает лишь тогда, когда идеи, мысли излагаются четко, ясно и аргументированно защищаются или опровергаются те или иные теоретические утверждения. Если нет никаких научных критериев, то нет и роста научных знаний. Следовательно, нет прогресса в науке. Постмодернизм, подчеркну еще раз, все релятивизировал. Он отвергает всякие научные критерии, всякую иерархизацию ценностей, отождествляет мифы и исторические факты. Одним словом, постмодернизм не способствует прогрессу философии. На Западе постмодернизм со временем уйдет с философской сцены, потому что он не будет востребован обществом. В России он никогда не будет востребован обществом, но может долго задержаться.

Заключение

Наш очерк подошел к концу. Я попытался показать вырождение философии. Может быть, я слишком сурово отнесся к постмодернистской философии. Может быть, перегнул палку. Я прекрасно понимаю, что постмодернистская философия отражает реалии современного мира. А эти реалии не настраивают на оптимизм. Философы, как я уже неоднократно отмечал, несут интеллектуальную ответственность за все происходящее в нашем сложном и противоречивом мире. Они во все времена пытались рефлексировать над бытием окружающей человека природной и социальной действительности. Они часто ошибались, но очень серьезно и ответственно относились к решению тех или иных философских проблем. Возьмем, например, просветителей. Просветители чувствовали свою ответственность за все происходящее в современном им обществе и пытались дать рационалистическое объяснение сложнейшим социальным и политическим процессам. Они были сторонниками либерализма, принципа личной не-

зависимости и свободы. Они верили в бесконечный прогресс человеческого общества, и критерии этого прогресса искали на земле, а не на небе. Их идеи сыграли огромную роль в утверждений буржуазных общественных отношений, в распространении либеральных ценностей вообще. Нельзя забывать, что либерализм XVIII века или модерна качественно отличается от современного неолиберализма. Либерализм того времени способствовал проявлению личной инициативы, росту производительных сил, в целом росту общественного богатства в единстве материальных и духовных ценностей. Что касается современного неолиберализма, то он играет реакционную роль во всех сферах общественной жизни. Он лишает людей надежды на будущее, обостряет социальные противоречия, создает стрессовые ситуации и порождает межцивилизационные и межэтнические конфликты. Поэтому критика неолиберализма заслуживает полного одобрения. Но немарксистские критики взамен ничего его не предлагают. Я вспоминаю слова моего научного руководителя в Париже известного французского философа и либерала Р. Арона: я интерпретирую мир, но не хочу изменять его. В отличие от немарксистских критиков марксисты критикуют неолиберализм, видят его негативные черты, но твердо убеждены в том, что только социализм может вывести современное общество из кризисного состояния.

Противники Просвещения упрекают просветителей в том, что они якобы экстраполировали свои проекты на весь мир. Дж. Грей, например, пишет, что проект Просвещения обосновывает вестернизацию всего мира,

стирание этнических, культурных, ментальных и иных различий людей. Но этого не происходит, и поэтому Просвещение потерпело крах.

Однако на самом деле вопрос заключается не в проекте Просвещения, а в том, что буржуазный способ производства переживает острейший кризис, и его защитники пытаются разными средствами, в том числе с помощью вестернизации спасти его. Следовательно, нужно менять этот общественный строй. Но этого, кроме марксистов, никто не хочет признать. Что касается рационализма, то он как раз очень нужен в наше сложное и противоречивое время. Без рационализма общество одичает.

Философия постмодернизма предлагает пустой дискурс. Он лишил философские рассуждения какой-либо научности. Главный принцип науки «все подвергай сомнению» похоронен. Исчезли серьезные философские труды. Возьмем, например, социальную философию. По определению, она должна заниматься обществом. А общество состоит из людей, относящихся к разным социальным классам, группам, слоям, кастам и т.д. Если исследователь хочет дать подлинный научный анализ общества, то он должен изучать этих людей, их производственные отношения, их интересы, их социальный статус, зависящий от их уровня жизни, от их отношения к средствам производства и т.д. Ведь совершенно очевидно, что пока общество носит классовый характер, существует эксплуатация человека человеком. Очевидно и то, что современное общество является классовым обществом.

Но в нынешние времена из социальной философии фактически исключены проблемы классов и классовых отношений, способа производства, собственности и др. Но даже анализ «признанных» проблем носит чисто описательный характер. Доминирует феноменологический подход. Описываются феномены, но не исследуются ноумены.

Но наука не может ограничиться описанием феноменов. Задача науки – исследование сущности, а не явления, открытие законов объективного мира и соответственно нахождение истины. Наука использует определенные методы и средства познания действительности, определенные категории, отражающие наиболее общие, объективные, существенные, повторяющиеся, устойчивые связи и отношения мира природы и мира общества. Если этим она не занимается, то ее нельзя назвать наукой. В этом смысле социальная философия перестала быть наукой. Она, как и вся философия, сведена к пустому дискурсу. Этот дискурс может воспроизводиться сколько угодно раз, но роста знаний не будет. А без этого философия не может развиваться. Поэтому пока в общественном сознании и философском мире доминирует постмодернизм, не приходится ждать взлета философской мысли. Пока философия катится вниз и не видно, когда это прекратится.

